

ՀԱՅԱ
ԱԶԳԱԴՐՈՒԹՅԱՆ
ԻՆՍԻՏՈՒՏՈՒԹՅԱՆ

ՆՅՈՒԹԵՐ ԵՎ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

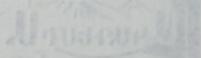
18

Ա. Ա. ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ

ՏԻԳՐԱՆ ՆԱՎԱՍԱՐԴՅԱՆԻ ՆԵՐԴՐՈՒՄԸ ՀԱՅ
ԲԱՆԱՀՅՈՒՍՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Գ. Գ. ՎԱՐԴՈՒՄՅԱՆ

ՀԱՅՈՑ ՆԱԽԱՔՐԻՍՏՈՆԵԱԿԱՆ ՊԱՇՏԱՄՈՒՆՔ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԱ ՀՐԱՄԱՆԱԿՈՂՈԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ—1991

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРМЯНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ и ФОЛЬКЛОР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

18

С. А. ВАРДАНЯН

ВКЛАД ТИГРАНА НАВАСАРДЯНА В АРМЯНСКУЮ
ФОЛЬКЛORИСТИКУ

Г. Д. ВАРДУМЯН

ДОХРИСТИАНСКИЕ КУЛЬТЫ АРМЯН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЕНИИ
ЕРЕВАН—1991

ББК 63.5 (2Ар)

В 180

Печатается по решению
ученого совета Института археологии и
этнографии АН Армении

Редколлегия:

**Б. Н. Аракелян, С. Б. Арутюнян, Д. С. Вардумян, Э. Т. Карапетян,
Ю. И. Мкртычян, А. М. Назинян**

Ответственные редакторы:

академик АН Армении **С. Т. Еремян**
доктор филологических наук **И. Г. Левин**

Рецензенты:

кандидаты филологических наук **Р. А. Григорян, В. Г. Свазлян,**
кандидаты исторических наук **С. Г. Амаякян, Ю. И. Мкртычян**

Варданян С. А.

B180 Вклад Тиграна Навасардяна в армянскую фольклористику // [Отв. ред. С. Т. Еремян, И. Г. Левин].—Ер.: Изд-во АН Армении, 1991.—150 с., илл. (Армянская этнография и фольклор: Материалы и исследования / Ин-т археологии и этнографии АН Армении, вып. 18) илл., карты
На основе материалов архивного фонда Т. Навасардяна, а также его опубликованных исследований С. Варданян рассматривает деятельность видного собирателя и издателя армянской народной словесности, осуществленные им крупные публикации фольклорных материалов и этнографическое, фольклористическое значение составленного им словаря ааратского диалекта.

Монография Г. Вардумян посвящена изучению культов дохристианских божеств у армян и связанных с ними верований, обрядов, обычаям, праздникам и их пережитков—с целью воссоздания как древнейших слоев культов божеств, так и структуры общеармянского пантеона.

Выпуск рассчитан на специалистов—этнографов, фольклористов, историков, филологов.

ББК 63.5(2АБ)

А 0508000000
703 (02)—90 38—88

© Издательство АН Армении, 1991.

С. А. ВАРДАНЯН

**ВКЛАД ТИГРАНА НАВАСАРДЯНА В АРМЯНСКУЮ
ФОЛЬКЛОРИСТИКУ**

ВВЕДЕНИЕ

Исследования о выдающихся собирателях фольклора обычно носят научноведческий историографический характер. Подобные работы привели к необходимости поиска новых методов в целях расширения источников и круга изучаемых лиц—для восполнения пробелов в истории армянской фольклористики на этапе ее источниковедческой базы.

Безусловно, специфика первичных (полевых) источников влияет на результаты любого исследования, однако нередко они проходят незамеченными. Поэтому весьма актуальной задачей любой науки есть и будет критический анализ процесса образования ее источниковедческой базы. Этим определяется цель нашей работы и вместе с тем подход к изучению деятельности тех людей, которые занимались накоплением материалов.

Особенностью предлагаемого исследования является следующее: о фольклористах-собирателях обычно пишут и судят на основе биографических данных, ссылаясь на субъективные высказывания самих «героев» биографий; в этом свете рассматривается преимущественно и их научное наследие. История фольклористики предстает чаще всего как история идей, воплощенных в теоретических рассуждениях.

Правомерно было бы судить о деятельности выдающихся собирателей фольклора не по их высказываниям и абстрактным идеям, а по их делам, научным и общественным взглядам. Отсюда методологически вытекает мало использованная историками фольклористики возможность: выявление субъективных концепций из структуры накопленных коллекций, доставшихся нам в качестве объективной источниковой базы.

Подобный подход, к сожалению, все еще считается новым в нашей науке, а потому может показаться и спорным. Тем более, что для характеристики фольклорной и филологической источниковой базы в целом необходимо применять некоторые элементарные методы количественного анализа.

Гражданская же история, не говоря уже об истории экономики, революционного движения и т. п., в настоящее время уже не

мыслится без количественной оценки явлений. Но история литературы еще не обратилась к средствам статистики. Это относится и к истории устного народного творчества, к истории изучения этого творчества, т. е. к истории фольклористики (справочники обычно ограничиваются указанием на количество собранных материалов). В этом отношении выгодно отличается исследование фольклористики Таджикистана в работе М. Негматова «Таджикская фольклористика—опыт количественного анализа библиографии» (Душанбе, 1972), проделанной в связи с программой большого свода таджикского фольклора, разработанной И. Г. Левиным в 1968 г. Метод количественного анализа применен С. А. Гулакян в составленном ею «Указателе мотивов армянских волшебных сказок», где выявлены мотивный указатель и предметное содержание армянского сказочного репертуара. В опубликованных сборниках Р. Григорян «Гегаркуник» (1983) и В. Свазлян «Муса-лер» (1984) указанная выше методика исследования представляет интерес для фольклористов, этнографов и социологов.

В какой мере этот путь лежит в русле мировой науки, видно хотя бы из того факта, что финский ученый Матти Сармела лишь в 1973 г. поставил вопрос о применимости количественных методов к архивному материалу этнологии Европы. Считают это актуальным (в их новейшем руководстве по народоведению) для составления истории культуры также Вигельман Цендер и Хейльфурт (1977).

Перед нами стояла более скромная задача: путем количественного анализа использовать фольклорный фонд, собранный под руководством Т. А. Навасардяна, осветить важный этап в становлении армянского культурно-исторического наследия. Одновременно мы постарались внести посильный вклад в подготовку истории фольклористики как часть истории общественного движения на рубеже XIX и XX вв., столь важных в судьбе армянского народа.

Сбор фольклорных материалов, тесно связанных с общественной мыслью и демокра-

тическим движением, что показано, в частности для России, в целой серии работ М. К. Азадовского, обобщенных в его «Истории фольклористики». Однако для всего сообщества народов СССР, исторически связанных с историей России и русского передового общества, подобной работы еще нет.* Написание ее—дело будущего. Для этого прежде всего требуются многочисленные предварительные разыскания. Ряд исследований, в частности по истории фольклористики Прибалтики и Кавказа, уже вышли в свет (см., например, работы Г. А. Григоряна «Армянский фольклор» (Ереван, 1967), А. Т. Ганланяна «Очерки по истории армянской фольклористики» (Ереван, 1985), М. Я. Чикована «История грузинской народной словесности» (Тбилиси, 1956) и «Грузинское народное поэтическое творчество» (Тбилиси, 1972) и др.). Свести все имеющиеся работы воедино для будущей «Истории культуры СССР» или «Истории фольклористики в СССР»—нелегкая задача. Для создания подобной обобщающей работы требуются систематические исследования по регионам, по отдельным деятелям науки и крупнейшим собирателям, в частности армянским. Опубликованы работы С. Арутюняна об Абегяне и В. Свазлян о крупном собирателе армянского фольклора С. Айкуни. Армянские и прибалтийские фольклористы в известной мере испытали и свое-

образно синтезировали идеи и опыт как русских, так и западноевропейских ученых.

Если предпринятым нами исследованием удалось преодолеть трудности, обусловленные исторической спецификой армянской культуры и определенной новизной подхода к задаче, то достигнутые результаты (как фактические, так и методические) можно рассматривать как скромный экспериментальный опыт в деле написания истории армянской фольклористики, являющейся частью всеобщей истории фольклористики народов Советского Союза.

Основным источником для выполнения данной работы служил архивный фонд Тиграна Навасардяна в фольклорном архиве Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. Использованы статьи о деятельности Т. Навасардяна в периодической печати и архивные фонды современников—Баграти Навасардяна, Рафи, Степаноса Паласянца, Ерванда Лалаяна, хранящиеся в Музее литературы и искусства Армянской ССР им. Е. Чаренца (МЛИ АрмССР), в Центральном государственном историческом архиве Армянской ССР (ЦГИА АрмССР), Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (ЦГИА ГССР).

Материалы и фотографии о жизни и деятельности Т. Навасардяна представлены также сыном собирателя—Нерсесом Навасардяном и его семьей.

* Имеются серьезные, хотя, возможно, и преждевременные попытки обобщения мировой, в особенностях западноевропейской фольклористики.

Тигран Навасардян (1861—1927)

Т. Навасардян, жена—Ашхен Иоаннисиан и дети.

1. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ПРОБЛЕМАТИКА И ИСТОЧНИКИ

Написать биографию одного из видных собирателей и издателей фольклора, жившего на рубеже XIX—XX вв. оказалось не легким делом, несмотря на усиленные поиски документов и свидетельств. Это объясняется стечением многих обстоятельств. Прежде всего нас теперь уже не может удовлетворить вся постановка культурно-исторической документации, хотя понимание важности этого дела обнаружилось относительно рано.

Влияние носителя фольклора, личности рассказителя на записанные с его слов произведения давно привлекло внимание исследователей. Все еще мало внимания обращается редакторской деятельности собирателя и, в особенности, издателя фольклора. Чтобы представить себе вклад собирателя в образование источниковской базы, которая определяет на годы вперед в значительной мере характер научной и публикаторской работы в области фольклора, а затем вычленить это субъективное влияние, необходимо ознакомиться с жизнью собирателя, выявить и понять в биографии такие моменты, которые могли бы иметь более общее, даже источниковедческое значение.

Такой подход к личности собирателя еще в наши дни нов, потому менее всего можно было ожидать, что в 70-х гг. прошлого века, да и позже, в 20-х гг. XX в. подбирались и сохранялись материалы, освещавшие во всем объеме и в важных деталях деятельность собирателя народного творчества.

Нами собраны немногочисленные, скучные материалы, которые помогли составить определенную картину жизни и деятельности собирателя и издателя армянского фольклора Тиграна Аветисовича Навасардяна (1861—1927 гг.). В архивах выявлены некоторые документы, в частности метрическое свидетельство, устанавливающее точную дату рождения. Сохранились мемуарные наброски Т. Навасардяна школьного периода (фольклорный архив Отдела документации фольклора Института археологии и этнографии АН Армянской ССР в Ереване—FB 1:2641—2720), которые примечательны как культурно-исторический документ по истории армянской молодежи. Дошли до нас отдельные письма

отца будущего собирателя к его дяде, существенно восполняющие картину школьных лет. Некоторые сведения и материалы, в частности фотографии, получены от сыновей Т. Навасардяна.

В биографическом очерке мы постарались выделить преимущественно такие моменты, которые характеризуют среду и эпоху, в которых формировалась армянская народная интеллигенция. Здесь следует подробнее остановиться на состоянии народного просвещения в Восточной Армении, вошедшей в состав Российской империи в первой трети XIX в.

Тифлис, как важнейший административный центр, сразу же после присоединения края к России, стал средоточием общественной и культурной жизни Закавказья, превратился в крупный «межэтнический» очаг грузинской, армянской и новой русской культуры. Восточный, азиатский город все больше обретал черты европейской цивилизации.

Именно в Тифлисе, по примеру Лазаревского института в Москве, католикос Нерсес Аштаракеци основал в 1814 г. (т. е. в обстановке кавказской войны, исход которой еще не был предрешен), новую школу, которая с 1826 г. стала носить имя своего основателя—Нерсисян. Только с 1836 г., согласно правительенному «Положению», это учебное заведение было превращено в «духовную семинарию». Заметим однако, что из двух тысяч выпускников этой школы (за весь период существования) лишь 60 человек стали священниками, что довольно красноречиво характеризует школу Нерсисяна как светское, в условиях того времени, учебное заведение гимназического или лицейского типа, содер-живавшееся на средства от пожертвований под эгидой католикосата. Следует отметить, что Лазаревский институт в Москве, несмотря на более широкие возможности в научном плане, не мог стать рассадником просвещения среди армянской молодежи. Москва находилась вдали от Армении, и уже по этой причине Лазаревский институт постепенно превратился в научный очаг, готовящий учителей—арменоведов для школ низшего типа. Тифлис же в силу географической близости

притягивал армянское население Лори, Шинрака, Сюника и других мест Армении. Многие армянские семейства отправляли своих детей в Тифлис для обучения на их родном языке именно в школу Нерсисян. Здесь был организован также интернат для приезжих детей, которые во многих случаях могли расчитывать также на бесплатный стол, стипендию католикосата или общественности и меценатов. В этом огромное социально-историческое значение этого учебного заведения.

Чтобы представить себе уровень школы Нерсисян, упомянем наиболее видных преподавателей этого учебного заведения, многие из которых были выпускниками Лазаревского института в Москве, университетов России и Европы. Степанос Назарян (редактор известного «Юсисапайла») был в 1833 г. учителем, а вследствие, в 1860—1870 гг., методистом школы Нерсисян. Он был также профессором Казанского университета и Лазаревского института. Петрос Шаншян, получивший образование в Вене и Риме, был методистом школы Нерсисян в 1837 г. Будучи слушателем Сорбонны, он участвовал в собрании революционных клубов Парижа в период революции 1848 г. В 1853 г. Шаншян вновь в Тифлисе, где публикует «Историю» Егиш в русском переводе. На это обратили внимание русские журналы того времени, следившие за развитием просвещения Кавказа,—«Отечественные записки» (1853) и «Современник» (1854). Связи Шаншиана с Нерсисянской школой не прерывались. Габриэл Патканян (издатель первого еженедельника для восточных армян—«Арагат») был одно время методистом школы Нерсисян (1850). Он крепил основы светского просвещения и европейской культуры, хотя и был священником. Его сын Рафаэл Патканян, вследствие известный армянский поэт, окончив Лазаревский институт, стал преподавателем русского языка в школе Нерсисян (1858 г.). Седрак Мандянин, получивший высшее образование в Петербурге, Вене, Лейпциге, преподавал педагогику в 1874—1879 гг. в школе Нерсисян. Степанос Паласанян, как преподаватель армянского языка, занимал особое место в Тифлисе благодаря написанной им «Истории армянской литературы».

Нерсисянская школа, да и некоторые преподаватели содержали типографии, где печатались учебные пособия, буквари, а также научные труды, ценность которых не утрачена и ныне. Нерсисянцы выпускали собственную рукописную газету.

Таким образом, общественное значение школы Нерсисян трудно переоценить. Каждый ее питомец всегда чувствовал себя в подлинном очаге национальной мысли и культуры.

туре, где формировалось мировоззрение целых поколений армянской интеллигенции.

Среди выпускников Нерсисянской школы—выдающийся армянский просветитель Хачатур Абовян, известные поэты и писатели Перч Прошян, Ованес Туманян, Газарос Агаян, ученые-филологи Степанос Малхасян, автор трудов по армянскому языку, лексикографии, истории. И Ерванд Лалаян, видный собиратель и издатель фольклора...

Интерес к истории культуры был пробужден учителями школы Нерсисян, которые устраивали краеведческие экскурсии и поощряли собирательскую деятельность своих учеников. Некоторые из этих материалов тотчас же публиковались в изданиях школы.

Такой была атмосфера, в которой оказывались юноши, становясь учениками школы Нерсисян, этого питомника, взраставшего многих видных представителей восточноармянской интеллигенции—основоположников национальной культуры и науки.

7 февраля 1861 г. в многодетной семье писаря Аветиса Навасардяна, проживавшей в Вагаршапате (Эчмиадзин), родился мальчик, которого назвали Тиграном. Судя по профессии, отец семейства был человеком достаточно просвещенным. По некоторым сведениям, Тигран приходился со стороны матери родственником католикоса Нерсеса¹. В тогдашнем Вагаршапате писарь—отец мог дать своему младшему сыну лишь азы грамоты и никакого достатка. Отец, сам стремившийся к образованию, решил отдать сына в школу и тем самым обеспечить ему лучшее будущее. Осуществить эту мечту было несложно.

В 1871 г., когда Тиграну исполнилось десять лет, его отец пишет письмо своему родственнику Баграту Навасардяну, ученику Тифлисской гимназии, в котором просит его оказать содействие в определении Тиграна в какую-нибудь школу. По-видимому, уже в 1872 г. Тигран был принят в школу Нерсисян, при которой был интернат для приезжих.

Из сохранившейся отрывочно переписки видно, что в 1875 г. Тигран учился уже в третьем классе этой известной в Закавказье школы. В это время в Тифлисе Баграт Навасардян, сам еще мальчик, оказался на правах дяди Тиграна, его покровителем и духовным наставником. Отец в одном из писем Баграту отмечал: «Тигран—твой саженец». И в самом деле, юноша не по летам серьезно отнесся к своим обязанностям старшего родственника, оказал на воспитание Тиграна большое влияние.

Забегая несколько вперед, отметим, что Баграт Навасардян стал впоследствии врачом и известным общественным деятелем, основателем Кавказского благотворительного общества, обеспечившего многим юношам среднее и высшее образование.

Благодаря Баграту и его знакомству с преподавателями, Тигран наряду с изучением русского языка, входившего в программу обучения, стал усиленно заниматься немецким и французским. Языки открыли доступ к книгам, приютили к чтению, а это быстро расширяло горизонт подростков, прибывших в школу из провинции, где они получали весьма поверхностную дошкольную подготовку. Пребывание в Тифлисе и чтение приобщали питомцев школы Нерсисян к общеевропейской культуре, независимо от целей и программ духовной семинарии. И это было очень важно, ибо, как видно из другого письма, школа испытывала недостаток в учителях, и потому многое зависело от усердия и усилий самих учеников.

В 1875 г. занятия в школе, в частности по армянскому и французскому языкам упорядочились, что было важно, так как IV классом «основная» школа завершалась и желающим продолжить учебу предстояло поступить в гимназию («семинарию»), которая только начала разворачиваться при школе Нерсисян.

Отец Тиграна обращается к Баграту Навасардяну с просьбой подать бумаги для поступления сына в семинарию. В этом же письме он просит Баграта обратиться к священнику Макару с просьбой назначить Тиграну стипендию из средств Нерсисянской школы. Неясно, какие функции выполнял Макар, но очевидно, что без такой помощи Тигран не мог бы и мечтать о среднем образовании. Отец проявил заботу, но материально помочь не мог. Из официальной справки видно, что родители Навасардяна считались немимущими, и юноша, не имея никаких средств к жизни, содержался на коште школы Нерсисян².

Из сохранившейся переписки вырисовывается картина постановки учебного процесса в Нерсисянской школе. Взаимоотношения между руководством школы и педагогами бывали порою сложными. В то же время следует отметить, что преподавание велось на достаточно высоком уровне. Особенно выделялись своими блестящими уроками Егикян (армянский язык), Паласян (французский язык), Наапетян (биология) и некоторые другие.

Любопытно, что классная система еще не была четко выработана—ученики по предметам, в которых они преуспевали, могли присутствовать и на занятиях старших классов. Судя по письму самого Тиграна, в 1878 г. он был уже в пятом классе.

Постепенно школа росла вместе со своими учениками, и вскоре «гимназия» имела право выдавать своим питомцам аттестаты зрелости, открывавшие доступ в университеты России и Европы.

Следует особо отметить, что обучение велось в основном на армянском—родном языке учащихся, что в условиях царской России было явлением исключительным,—и укрепляло чувство национального достоинства и самосознания. Трудно переоценить воспитывающее значение родного языка для мировоззрения армянской молодежи того времени.

В школьной программе уделялось большое внимание армянским древностям, языку, письменности, литературе, истории. На уроках под руководством преподавателей—знатоков традиционной учености читались сочинения древних историографов: Агатангехоса, Фавстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, Егише и др. Это способствовало распространению настроений «романтической приподнятости» над окружающей действительностью и идеализации прошлого вообще, а своего рода народа в особенности. По сравнению с этим славным прошлым повседневная действительность, казалась обыденной и скучной. Это вселяло в учащихся жажду деятельности во имя будущего.

Отзвуки революционных событий в Европе середины XIX в., польские восстания, участники которых оказывались на Кавказе, в самом Тифлисе, покровительственное отношение русских властей к христианам—армянам и грузинам, новые возможности, открывающиеся перед кавказской интеллигенцией вследствие присоединения края к России, оставляли глубокое впечатление на гимназистов. Все вместе формировало определенный тип интеллигента.

Культурно-исторический интерес представляет круг чтения учащейся молодежи того времени. Из мемуарных набросков Г. Навасардяна можно почерпнуть немало примечательного. В этих ученических записках упоминаются Пушкин и Лермонтов—русские поэты особенно тесно были связаны с Кавказом и уже потому могли быть восприняты как «местные», «свои» писатели. В тетрадях Навасардяна мы находим выписки из любимых книг и произведений. С похвалой упоминаются стихи Беранже. Вот любопытная запись несколько более позднего периода (1876?): «Солдат свободы—Беранже протестует против насилия и ищет свободы»³. Довольно характерная оценка со стороны ученика духовной школы! В ту пору Тигран увлекается романами Жюля Верна. Вскоре, очевидно, он стал читать по-немецки и по-французски. Тигран узнает о взглядах Руссо. Так проникают в него романтическое отношение к «природе» и критическое отношение к «городу» и «цивилизации»—довольно надуманное и, пожалуй, неуместное в условиях кавказской действительности той поры. Критическое начало усиливалось и своеобразно

преломлялось в сознании Т. Навасардяна от чтения русских прогрессивных журналов, в частности «Современника» и «Отечественных записок», в которых кавказская тема занимала видное место.

Большое воздействие на умы молодежи имели и армянские периодические издания—«Мшак» и «Порц». Газеты и журналы нацеливали молодежь на осмысление современной действительности, воспитывали гражданственность, будили чувство ответственности за судьбы страны и ее народов. Важно уяснить, как школьная программа и круг чтения влияли на юных читателей на самом Кавказе. Известно, какую роль сыграла кавказская тематика в русской литературе. Кавказская война нашла отражение в русской романтической литературе, отмеченной вольнолюбивыми мотивами. Общение с людьми, экзотика края вызывали у русских интерес к преданиям и обычаям народов Кавказа. Здесь кроется, как отмечает И. Левин, источник фольклоризма и вместе с тем подлинного интереса к фольклору. Однако это относится к русским читателям в столицах—Москве и Петербурге. Между тем, несколько окольным путем, русская литература вызвала поток подражаний, попутно же и подлинный интерес к собственным древностям и народному творчеству также у самих кавказцев, у ее молодой поросли интеллигенции.

Именно в этом свете становятся понятными стремления молодого Тиграна Навасардяна к фольклору и просветительству. Трудно сказать, что из прочитанного более всего оказалось влияние на юношу. Но в этом переломном возрасте умозрительно понятая «действительность» воспринималась гимназистом особенно критически. Он, возможно, участвует в каких-то тайных ученических кружках, лишенных, впрочем, какой бы то ни было четкой политической программы. Как и многие сверстники, Навасардян подпадает под влияние идей революционера-демократа Микаэла Налбандяна. Тигран распространяет фотографии этого властелина умов, кумира молодежи, резко высказывает о преследователях Налбандяна, и уже в 1876 г., проучившись всего четыре года, исключается из школы Нерсисян—будто бы за публичное заявление на похоронах товарища, что «нынешняя жизнь не жизнь, а настоящая катогра»⁴. Следует отметить, что как о «каторге», так и о «жизни» юноша мог иметь лишь самые смутные представления, да и то из вторых рук, понаплыше. Пострадав таким наивным образом за «народ», Навасардян искал возможность служить народу, готовясь к подвигам. «Народ» же, по понятиям молодой интеллигенции того времени, проживал в деревне и именно там надо было ему служить... Эта любопытная идея только внешне схожа с русским ранним «на-

родничеством». В условиях армянской и в целом кавказской действительности призы к «хождению в народ» носил объективно просветительский, человеколюбивый характер, лишенный классовой направленности. В этом духе надо понять письмо, адресованное Баграту: «Разрешите... стать участником трудных дней моей любимой Армении. Моя сладкая Армения, как магнит, тянет меня к себе. Она восплеменила мое молодое сердце патриота и зовет к себе. Не могу не прислушаться к ее слову. Вместо того, чтобы быть здесь, пойду поброджу по Армении, пойду к нашим дымящим пепелищам проливать слезы»⁵. Этими выспренними словами Тигран пытался объяснить свое желание покинуть Тифлис, а следовательно и школу.

Понять настроение исключеного ученика, считавшего себя уже борцом за свободу народа и чутким, послушным сыном своей родины, можно. Но для реального дела подросток с четырехлетним школьным образованием, разумеется, никак не был подготовлен. Тигран и сам понимал это, когда писал: «...какую пользу могу принести моему народу? Не имею образования, чтобы учить народ. Что мне делать, скажите пожалуйста?»⁶.

По совету Баграта, в 1876 г. во время каникул, в Вагаршапате, Тигран приступает к единственному посильному делу, а именно к записи устных преданий. Это и станет делом всей его жизни.

Судя по некоторым данным, Тигран был восстановлен в школе, но вернуться к прежней жизни он не смог. В письме к Баграту он писал: «Обстоятельства изменились. Не могу оставаться здесь даже 2 месяца. Я хочу поехать в Армению и собирать предания, сказки и т. п. У меня сейчас немного собрано». Это важное свидетельство о начале зрелой собирательской деятельности. Он готов был ради этого даже бросить школу. В том же письме Тигран пишет: «Каждый день бывают допросы среди учеников». Понятно, что Тигран продолжал быть под подозрением, хотя, как видно из другого письма (1878 г.), Тигран вел себя осторожно и никто, как он писал, не мог его в чем-либо обвинить. Однако это была «адская жизнь» для впечатлительного юноши, что подтверждают и воспоминания Г. Пирумяна: «Мне никогда не забыть той памятной недели в 1876 году, когда Нерсисянскую школу ежедневно посещали офицеры царской жандармерии, требовавшие от методиста Аршака Нарапетяна подробных сведений об антигосударственных устремлениях ученика III класса Навасардяна. Именно по требованию этих палачей юный Навасардян был вскоре изгнан из школы и заключен в тюрьму на несколько месяцев...»⁷.

Здесь некоторые обстоятельства смешились, но в общем верно то, что ученики стар-

ших классов находились под надзором властей, и Тигран Навасардян был заподозрен в неблагонамеренности. Эта ситуация не могла не углубить внутреннего кризиса молодого человека.

Проучившись около двух лет еще в гимназических классах, Навасардян в 1879 г. был арестован как активный сторонник М. Налбандяна. Исследователь А. Иоанисян сообщает, что ученик школы Нерсисян Тигран Навасардян был обвинен властями в том, что размножил и распространял фотографию и какой-то текст стихотворения Налбандяна⁸. Из дела Навасардяна (ЦГИА ГССР, № 153, оп. 42), заведенного жандармским управлением, видно, что следствие было начато 6-го и закончено 31-го декабря 1879 г.

Судя по официальной справке, Навасардян ранее к дознаниям не привлекался, и обвинение в политическом преступлении (по статьям 251 и 252) было предъявлено ему впервые. В этом же документе зафиксировано, что курса в Тифлиской духовной семинарии он не окончил по причине «неодобрительного поведения». (Он учился в семинарии 6 лет). Следовательно, арест не был причиной исключения ученика Навасардяна, а скорее наоборот—исключение, а также «неодобрительное поведение» послужили поводом для ареста и заведения «дела». Что обвинение не было серьезным, можно заключить также из краткости следствия, (длившегося всего 24 дня), которое могло лишь поднять престиж молодого человека в собственных глазах и среди его сверстников.

Забегая вперед, отметим, что Навасардян и в дальнейшем не выпал из поля зрения жандармского управления. 30 июня 1913 г., о нем была наведена справка, согласно которой Навасардян уже значится «контролером центральных городских водопроводных резервуаров» в Тифлисе. В ведомственной квартире этого учреждения он проживал на Парновской улице. Во всяком случае, Навасардяну было тогда 50 лет и занимал он хотя и скромную, но все же городскую должность, т. е. в известной мере был государственным служащим. Любопытно, что по этому документу Навасардян значится дворянином и все еще «жителем Вагаршапата».

Пятнадцатилетний юноша оказался в Метехской тюрьме. Здесь Тигран в подражание Налбандяну стал записывать мемуары, полные страстных тирад о любви к народу. Тигран уже видел себя мучеником за некое святое дело. Он пишет: «Пусть они насилуют, мучают мое тело, но душа, сердце и чувства мои всегда были свободны как в стенах тюрьмы, так и в пленау и перед смертной казнью»⁹. Молодой человек вошел в образ своего героя, борца за свободу. Известно, что в тюрьме он громко декламировал

стихотворение А. Соколова «Плач болгарки у могилы сына», видя себя казненным и оплаканным...

«Дело» гимназиста по тем временам было шумным, но не серьезным. Баграт Навасардян приложил немало усилий, чтобы освободить Тиграна из тюрьмы. При помощи врача Маргарина сперва удалось перевести молодого человека в психиатрическую больницу, где близкие и родственники могли навещать юношу. Самому Тиграну выход из тюрьмы представлялся более патетически. Он оставляет в своем дневнике такую запись: «Иду в объятия свободы, безжалостная крепость! Надеюсь, что больше не увижу ваше окровавленное лицо. Не желаю прощаться с вами, потому что в ваших стенах господствуют зло и муки! Сегодня оглашая мое последнее прощание, желаю вам основательного крушения»¹⁰. Подобный высоко драматический уход с обращением к тюремным стенам свидетельствует о том глубоком душевном потрясении, которое испытал юноша, находясь в заключении. Тем не менее в психиатрической больнице узнику были созданы более благоприятные условия. Преследования властей кончились. Тигран пытается писать подражательные воспоминания «Моя тюрьма», причем под выспреним псевдонимом «Си-вилио-Бивилио»¹¹. В воспоминаниях юноши можно найти любопытные зарисовки, эскизы, разного рода выписки, размышления. В целом это литературная проба пера, не лишенная психологических наблюдений.

Из больницы Тигран Навасардян был выписан в следующем, 1880 г., 19 лет от роду. По-видимому, им была предпринята попытка вернуться в школу, но из этого ничего не вышло. Профессии он не приобрел, а без аттестата зрелости путь в высшее учебное заведение был закрыт. Чувствуя в себе недоделанную тягу к книгам, литераторству и обладая уже некоторым собирательским опытом, Т. Навасардян с 1876 г. приступает к записи, а с 1881 г. к печатанию устной народной словесности. В ежемесячнике «Арапат» (1881, № 11 и 1882, № 2—4) Навасардян публикует собранные им самим сказки на арапатском диалекте. Так начался его путь в фольклористику.

Для развертывания собирательской деятельности Т. Навасардян получил определенную материальную поддержку от своего родственника—Баграта, уже бывшего тогда врачом, а также от доктора Арцруни, инженера А. Есаяна, от Аракела Цатуриана. Помощь оказали ему и бакинские гимназисты. На эти средства Навасардян отправился в Армению (Вагаршапат, Гандзак, Баязет) и другие отдаленные от Тифлиса местности, где проживали армяне. На местах

Навасардян старался привлечь образованных людей к сотрудничеству.

В объявлениях в печати и личных письмах Т. Навасардян стремится расширить круг своих корреспондентов, призывает их записывать образцы народной словесности, спасать национальное богатство «от забвения».

Собирательская деятельность не могла прокормить молодого человека,—следовало подумать о профессии и о будущем. Баграт отправляет в 1884 г. своего племянника на обучение в Швейцарию. Мыслилось, что в Европе, владея немного немецким и французским языками, Тигран изучит книгопечатное дело и тем самым принесет пользу армянскому обществу и себе.

О пребывании в Швейцарии сохранилось очень мало прямых сведений. По справке, которая была дана Т. Навасардяну, уже после революции, можно заключить, что молодой человек продолжал поддерживать какие-то связи с армянскими социал-демократами, хотя в партии и не состоял. В этот период Навасардян участвовал в печатании социал-демократической газеты на армянском языке и, по-видимому, организовал в Женеве небольшую типографию.

На этом документе необходимо остановиться подробнее, так как в нем содержатся существенные неточности относительно биографии Тиграна Навасардяна, способные неверно осветить его (документ приводится полностью в приложении). Член СД партии Маро Назарбекян 28 июля 1929 г. выдает свидетельство, в котором, в частности, написано: «Наставщик удостоверяю, что Тиграна Аветисовича Навасардяна я знаю давно, как одна из основательниц СД Партии Гничак. Я могу удостоверить, что в Женеве при образовании Партии Тигран Навасардян оказал помощь, набирал первые номера «Гничак», инструктировал товарищей как набирать. Позже, по приезде в Россию, его арестовали, и он сидел 6 месяцев в Метехском замке за политические убеждения. Слышала также, что когда он служил в городском водопроводе, то скрывал у себя товарищей, литературу и т. д. Я знаю также, что к Советской власти он относился с большой симпатией и уважением»¹².

Из Женевы Т. Навасардян вернулся в 1888 г., а в Метехскую тюрьму попал еще учеником в декабре 1879 г. Нам не известно, чтобы Т. Навасардян оказывался под арестом в этой тюрьме дважды. Такое могло бы случиться, если деятельность Навасардяна в Женеве носила бы выраженный политический характер, а в России было бы заведено на него судебное дело. Но этого, конечно, не было (что следует также из справки в деле жандармского управления за 1913 г.), так

как Навасардян в партиях не состоял, а профессиональное содействие в печатании газеты в Женеве не могло рассматриваться в качестве достаточной причины для ареста в Тифлисе. Бессспорно, после возвращения из Швейцарии симпатии Навасардяна были на стороне революционной социал-демократии. Тигран Навасардян, идя на риск, оказывал помощь революционерам (в этой связи была составлена адресная справка в 1913 г.), служа на скромной должности при тифлисском городском водопроводе. Профессионалом-типографом или владельцем типографии он не стал. Возможно, потому, что в полиции был на плохом счету и считался политическим «неблагонадежным» человеком.

Личная неустроенность, однако, не помешала Т. Навасардяну развернуть бескорыстную собирательскую и издательскую деятельность. Свои сборники народных сказок он набирал и печатал в знакомых и доступных ему типографиях. Здесь Навасардян показал себя не только энтузиастом, но и хорошим организатором и тружеником. Должность контролера городского водопровода, очевидно, обеспечивала его в какой-то мере материально, давая возможность заниматься любимым делом.

В 1907 г. Тигран Навасардян женился на Ашхен, сестре поэта Иоаннеса Иоанисиана. От нее, кстати, Тигран записал много сказок, что и послужило поводом для их сближения. Ко времени женитьбы Тиграну было 47 лет, и он был давно сложившимся человеком. Такой поздний брак, безусловно, мог быть основан лишь на обоюдной симпатии и общности духовных интересов. В этом браке родились двое детей, была у четы Навасардянов и приемная дочь. Имеющиеся фотографии, на которых изображена семья Навасардяна, не лишены этнографической ценности.

В конце своей жизни Тигран Навасардян пользовался признанием как крупный собиратель и издатель армянского фольклора. Он был удостоен пенсии, что было свидетельством признания Советской властью его особых заслуг перед народом.

Тигран Навасардян умер 12 апреля 1927 г. в Тбилиси, где и был похоронен на Ходживанском кладбище. В газете «Мартакоч» появился некролог, в котором, в частности, отмечались заслуги Т. Навасардяна как лексикографа. Автор некролога, известный общественный деятель Г. Пирамян, делится своими воспоминаниями о школьных годах Навасардяна, характеризует его как политически активного человека¹³.

Тигран Аветисович Навасардян вошел в историю армянской культуры и фольклористики «собирателем армянских сказок».

2. НАВАСАРДЯН И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

В историю армянской и кавказской фольклористики в целом Тигран Навасардян вошел не только как собиратель фольклора, но и как организатор и вдохновитель собирательского дела. Как бы велики ни были личные коллекции собирателя-одиночки, общественное значение приобретает собирательство, когда это становится делом многих.

2.1. *Исторические предпосылки.* Самые ранние попытки создать общество собирателей народной словесности имели место в Германии и восходят к братьям Гримм, которые еще в 1815 г., находясь по делам знаменитого конгресса (после победы союзников во главе с Россией над Наполеоном) в Вене, отпечатали циркулярное письмо с призывом собирать фольклор у простого народа (песни, предания, сказки и басни, пословицы и поверья). Это письмо было направлено отдельным лицам во многих немецких землях и было подписано от имени «Общества». Обращение было рассчитано на любителей и ценителей народного творчества, что отвечало духу времени. Однако резонанс был слабоват, и благие намерения повисли в воздухе, хотя разослано было 360 писем.

Следующим крупнейшим шагом к привлечению корреспондентов для собирания фольклора и этнографии было обращение В. Маннгардта в 1868 г. Он разослал 150 тысяч экземпляров анкеты по всем немецким и сопредельным землям. Ответы, поступившие к нему от разных лиц (учителей, пасторов, чиновников и т. д.), послужили уже в XX в. основой для этнографического атласа. Успехи Маннгардта, действовавшего без поддержки властей или общества, обратили на себя внимание ученого мира. Его деятельность оказалась влияние и на кавказских любителей словесности. Следует иметь в виду, что научные связи между Германией и Кавказом сложились очень рано, еще со времен Гакстгauzena.

Анкету Маннгардта во многих отношениях определила «Инструкция этнографическая», которая была разработана Н. Н. Надеждиным и разослана новообразованным в Петербурге «Русским Географическим обществом». В силу этого обращения, стали поступать от корреспондентов многочисленные фольклорные материалы. Было обращено должное внимание и на изучение нерусского населения, в том числе Кавказа, еще ранее попавшего в поле зрения русской науки.

Надо, однако, отметить, что в первую очередь русских ученых интересовали те многочисленные народности Кавказа, которые не имели еще письменности, так как именно с них сведения были очень скучными. Изуче-

ние же грузинского и армянского населения, как христиан, обладавших древней письменной культурой, было, в сущности, предоставлено интеллигенции этих народов. Возможно, по этой причине собирание фольклора у них развернулось относительно поздно.

Уже в период военных действий на Кавказе к военным властям были прикомандированы гражданские чиновники, в круг обязанностей которых входило изучение языка и быта местного населения. Ведь русская армия не имела и не могла иметь достаточной информации о населении Кавказа. Центром сбора таких сведений, т. е. этнографического изучения вновь обретенного края, стал Тифлис. Начиная с 1828 г. здесь стала выходить русская газета «Тифлисские ведомости», где печатались также фольклорные материалы. После окончания Кавказской войны изучение края стало проводиться более систематически, уже по планам и программе «Русского Географического общества» (открывшего отделение в Тифлисе) и московского «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Материал собирался учениками школ при посредничестве их учителей, прибывших из России и получивших там образование. Эти материалы стали постепенно публиковаться, что, конечно же, поощряло активность молодых собирателей. За короткий срок, между 1868 и 1881 гг., в Тифлисе вышли в свет десять томов «Сборника сведений о кавказских горцах». Эти издания способствовали популяризации собирания фольклора как среди грузин, так и армян. Собирательство получило здесь небывалый размах, и уже в 1881 г. начинает выходить в свет на русском языке «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (до 1915 г. вышли 44 тома). Здесь мы находим в небольшом количестве и армянские материалы. Однако вполне естественно было развернуть собирание и издание материалов на языке оригиналов. Вскоре нашлись люди среди грузин, которые охотно пошли по этому пути, проложенному русскими учеными, по западноевропейским образцам. Здесь следует назвать инициатора собирания грузинского фольклора И. Чавчавадзе, который еще в 70-х гг. начал публиковать свои коллекции в журнале «Кребули» (с 1872 г.). Он возглавлял «Общество по распространению грамотности среди грузин», в 1881—1882 гг. разработал и внедрил программу для собирателей грузинской словесности¹. Немалые заслуги в собирании фольклора грузин принадлежат А. Церетели, который свои коллекции тут же издавал в своих сборниках «Акакис кребули». В 70-х гг. он путешествовал по разным уголкам Грузии, собирая фольклор².

Имя А. Церетели не могло не привлечь к себе внимание тифлисской молодежи в пору, когда формировался здесь Тигран Навасардян. Успехи и усилия таких собирателей, как Я. Гогебашвили, начавший собирание фольклора еще в 60-х гг., и в известной мере, его предшественника Р. Эристави, П. Умиашвили, издателя сказок В. Агниашвили, свидетельствуют о благоприятной обстановке, сложившейся в Тифлисе для собирания фольклора.

Тигран Навасардян имел перед собою также блестящий опыт армянских основоположников собирательского и издательского дела, накопившийся в других центрах армянства. В первой половине XIX в. в армянских колониях Европы и в Армении начинается собирание и исследование армянского народного творчества армянскими и европейскими учеными. В 1840-х гг. Хачатур Абовян (1809—1848) по предложению немецких ученых путешественников Паррота, Вагнера, Гакстгаузена записывает армянские народные и этнографические материалы. При помоши Абовяна Ф. Боденштедт во время путешествия в Армению занимался той же работой. Абовян многие этнографические и фольклорные материалы использовал в романе «Раны Армении». Следует отметить деятельность писателя, ученого того времени Месропа Тагиадяна (1803—1858). Путешествуя по некоторым районам Восточной Армении (Канакер, Ошакан, Мегри), он записывает фольклорные и этнографические материалы.

В формировании армянского народоведения большую роль сыграли мхитаристы в Вене, которые были тесно связаны с европейскими учеными. В 1852 г. в Вене Гевонд Алишан издает сборник «Крестьянские армянские песни». В собирании армянского фольклора большую работу проделал видный ученый, врач Геворк Ахвердян. В 1850-х гг. он начинает записывать образцы устного народного творчества тифлисских армян, в 1852 г. в Москве издает сборник «Саят-Нова». В 1859 г. на страницах газеты «Мегу Айастани» («Гчела Армении») публикуются некоторые армянские пословицы. В предисловии собиратель Г. Тэр-Арутюнянц-Кира-косянц пишет: «Мы имеем примеры русских исследователей, которые заботятся о русском языке. Сейчас над этим работают в России видные ученые Снегирев, Афанасьев, Булгаков, Даль... Понимая, как необходимо для нашей истории собирать подобные образцы, я со своей стороны последовал им и собирал пословицы, которые слушал в провинции Лори. Они, может быть, бытуют и в других местах. Было бы очень хорошо, если собиратели отмечали при издании место записи и не упустили бы таких сведений, которые могут дать представление о языке и характере нации»³.

В 1860 г. Микаэл Кочарян в «Кронке» публикует ряд пословиц и поговорок. Образцы фольклорных и этнографических материалов появляются и в новой армянской художественной литературе. Это явление связано с национально-просветительским движением 50—60-х гг. Бытовые обычай, народные песни, национальная музыка и танцы входят в художественную литературу—писатели все чаще используют в своих произведениях народные фразы, стили, следуя Х. Абовяну. В этом отношении исключительную роль сыграли писатели шестидесятых годов—романист Перч Прошян, драматург Габриэл Сундукиян, Газарос Агаян. Так, Сундукиян, отображая жизнь старого Тифлиса, писал на диалекте местных армян. Фольклор, язык и быт тифлисских армян нашли свое отображение в его многочисленных пьесах и водевилях («Хабабала», «Ночное чиханье—к добру» и др.). В своих произведениях П. Прошян использует фольклорные и этнографические материалы. Микаэл Налбандян в своей знаменитой критике «Сос и Вардите» ценит Прошяна, в частности, за то, что он к месту употребил народные пословицы, поговорки, песни.

Во второй половине 1860-х гг. фольклор входит и в пессники. Так, в 1868 г. в Петербурге Минасян издает песенник «Лира Армении», в приложении к которому дает 500 пословиц и поговорок. Публикациями этих материалов он намеревался «пополнить количество армянских пословиц и впоследствии представить их отдельным сборником». Таким образом, интерес к народному творчеству постепенно углубляется.

С. Арутюнян в своей рукописи «Развитие арmenистики (1870—1917)» отмечает, что «начиная с 1870-х гг. XIX в. окончательно формируется и бурно развивается армянское народоведение вообще и фольклористика в частности—организованные собирания, опубликование и исследование армянского фольклора». Начало этой деятельности положил Гарегин Срвандзянц. С его именем связано обнаружение армянского героического эпоса «Давид Сасунский». В 1874 г. в Константинополе вместе с фольклорными и этнографическими материалами Срвандзянц публикует под названием «Гроц-брю» также «Давида Сасунского», или «Дверь Мгера». Изданием этой книги Срвандзянц побуждал грамотных армян записывать фольклорные и этнографические материалы. Множество песен и сказок содержит его сборники «Манана» (1876), «Горос ахпар» (I книга—1879, II—1884), «Амовотов» (1884). Справедливо оценивая место и роль этих изданий в армянской фольклористике. С. Арутюнян отмечает, что в них находят выражение «романтическая преданность собирателя своему делу», а комментарии к записанным материалам «вызывают большое чувство уважения и вдох-

новения одновременно как в Восточной, так и в Западной Армении». Г. Срвандзянц пользуется большим авторитетом, а его дело считается «авторитетным начинанием». Он становится «пioneerом в деле собирания армянского фольклора, первопроходцем, за которым идут впоследствии собиратели»⁴.

Действительно, после сборников Г. Срвандзянца новые издания следуют друг за другом. В. Партизакци в Константинополе публикует сборник бесед и басен «Хоск айрәнц» (1879), С. Чулартиян издает сборник пословиц и поговорок «Арац азгайн» (1880).

В Восточной Армении по следам Г. Срвандзянца последовал Тигран Навасардян.

Если Г. Срвандзянц своими опубликованными сборниками стал примером для многих собирателей, то Т. Навасардян вместе с собиранием фольклора своим организаторским талантом многих собирателей сплотил вокруг себя. Этим он сделал шаг вперед, откликнувшись на планы и программы ряда русских и европейских ученых (бр. Гримм, Манигардт, Надеждин).

Деятельность Тиграна Навасардяна нельзя рассматривать в отрыве от той среды, которая сложилась в Тифлисе того времени. Ранее нами также допускалась некоторая односторонность в освещении роли Навасардяна: он изображался либо пионером-одиночкой либо прямым последователем таких предшественников, как Г. Срвандзянц и др.; не обращаясь должного внимания на активное собирательство развернувшееся у ближайших соседей — грузин в земле Тифлисе. Неизвестно, владел ли Навасардян грузинским языком и читал ли он, например, сборники Чавчавадзе или Церетели, следовал ли их призывам собирать фольклор. Мы также не знаем, бывал ли Навасардян на заседаниях «Общества по распространению грамотности среди грузин», где обсуждались мероприятия по собиранию фольклора. Не возможно, что либо сам Навасардян, либо его духовный наставник Баграт, либо сотрудники Навасардяна были в курсе дел, развернувшихся у грузин по собиранию народной словесности. Можно допустить, что это имело дополнительное, мотивирующее значение, вносило дух соревнования.

Задача историков культуры народов Кавказа — показать картину общественной мысли во взаимосвязи, в их сложнейших переплетениях. Попытку преодоления односторонности в осмыслении истории фольклористики на Кавказе предпринял И. Г. Левин в книге «Сказки Кавказа», изданной на немецком языке (Келья, 1978). Автор, в частности, рассматривает деятельность языковеда Усулара, опубликовавшего сказки кавказских народов, записанные А. Чиркеевским. Эти материалы вышли также на русском языке

(1867), наряду с публикациями аварских сказок на немецком языке акад. А. Шиффера (1817—1879). Этот же ученый выпустил в свет в 1867 г. осетинские сказки. Трудно предположить, что все эти издания оставались неизвестными любителям народной словесности в Тифлисе, какой бы национальности они ни были.

Чтобы правильно понять происходившее на Кавказе в деле собирания фольклора, уместно расширить исторический горизонт и сравнить с тем, что происходило на противоположной окраине Российской империи — в Прибалтике, в субъектности среди эстонцев, численность и грамотность которых вполне сравнимы с населением Восточной Армении. Такое сопоставление позволит выявить некоторые общие закономерности, на фоне которых деятельность Тиграна Навасардяна по сплочению собирателей представит более рельефно.

Деятельность финского собирателя фольклора Ленирота, представившего миру эпос «Калевала», оживила дело массового сбора фольклора и в Эстонии. Однако попытки Ленирота привлечь сотрудников из среды грамотных крестьян, ремесленников и сельских учителей не получали должного резонанса. Новая эра в фольклористике началась в 1888 г. с обращения пастора Хурта (1839—1907) через газету с просьбой присыпать записи народной словесности. За короткий срок откликнулись 1345 добровольцев, с помощью которых сложилась коллекция из 122 317 страниц (261 589 текстов). Самим Хуртом было записано всего лишь 1 739 страниц. Почти одновременно другой листатель, Эйзен, также обратился через газету к читателям с просьбой взяться за собирание народной словесности, в частности сказок. Уже в 1890 г. у него оказалось около 500 корреспондентов. Оба организатора рассчитывали лишь на патриотизм, энтузиазм и сознательность людей. Единственным поощрением было упоминание с благодарностью имен активистов. Эйзен, начинавший издавать народные брошюры с публикациями фольклора, посыпал их отличившимся корреспондентам в знак признательности и уважения. Можно сказать, что собирание фольклора в Эстонии превратилось в массовое народное движение. Эти коллекции в дальнейшем обеспечили выдающиеся успехи эстонской фольклористики.

Почти по тем же мотивам и одновременно, тем же путем, что Хурт в Эстонии, обратился и Навасардян к своим соотечественникам с просьбой присыпать ему записи народной словесности. В одном из его газетных объявлений читаем: «Публикуя устные предания армянского народа, мы спасаем их от разрушающих клыков времени. Это яви-

лось и будет являться нашей целью. Предпримчивые люди не поленятся своей деятельностью спосабливать этому опубликованию, посыпая сказки, пословицы, поговорки, загадки, народные песни и т. д.» (Мшак, 1882, № 4).

Результаты сравнимы, но далеко не одинаковы. Хотя достижения Навасардяна значительны, они все же свидетельствуют о слабом интересе к фольклору среди армян, несмотря на наличие отдельных энтузиастов. Чтобы приблизиться к пониманию причины такого явления в конце XIX в., следует обратить внимание на то, чем отличается культурная ситуация армян от их кавказских соседей и прибалтийских аналогов. Нетрудно заметить, полагает И. Левин, что армяне выделяются древней литературой, книжной традицией, относительно богатой, а также самостоятельностью своей церкви. В силу этих обстоятельств престиж книжности был весьма высок, и книжности уделялось всеобщее внимание. Уже сама письменность была национальная, армянский алфавит был непохож на другие. Между тем народная словесность в глазах их носителей (а не отдельных энтузиастов) ничем не отличалась от той, которую имели соседи, на других языках. Это особенно важно для сказок. Требовалось особое, историческое понимание значения устного творчества. Поэтому публикуя свой первый сборник «Гроц-Броц» (1874) Срвандзянц был озадачен тем, что его работа не будет оценена по достоинству: «Публикация этой работы будет оценена знающими, но, кажется, больше будет преисберающим не только частью написанного, но и всей книгой, в том числе и моей личностью. ...Буду воодушевлен, если хотя бы 20 человек полюбят это дело и будут вдохновлять других приобретать и издавать такие книги»⁵.

Иное дело, например, у эстонцев, чья книжность была весьма скучной и к тому же главным образом переводной. Здесь народная словесность поднимала престиж народа и восполняла литературу письменную. Не многим отличается ситуация у младописьменных кавказских народов. Издание фольклора было, в сущности, и простейшим путем создания литературы для чтения. В армянских условиях занятия фольклором испытывали сильную конкуренцию со стороны языкоznания и литературоведения. Только романтики-энтузиасты и те, кто не обладал традиционным народоведческим образованием, т. е. выходцы из низших слоев населения, без предрассудков могли посвятить себя фольклору, его собиранию. И если такой интерес возникал также у арменоведов-филологов, то явно под влиянием западноевропейских и русских ученых, да и то прежде всего

в связи с исследованием языка и формированием новой литературы на армянском языке. Здесь требовался определенный сознательный демократизм мировоззрения.

2.2. *Проблематика собирательства.* И. Г. Левин особо отмечал роль собирателей, их мировоззрения и понимания фольклора в деле формирования источников базы. Ведь именно источники, собранные предшественниками, определяют наше представление о фольклоре, а от этого зависит в значительной мере научная деятельность ряда поколений. В этой связи Левин указал на диссертацию польского ученого Ю. Пуликовского (1933), погибшего во время Варшавского восстания. Его работа прошла почти бесследно. Между тем, в книге сделана попытка типологизации собирателей (а не носителей фольклора) в соответствии с мотивами, которые их побуждали заняться фольклором. Пуликовский имел дело только с собирателями песен, но в значительной степени это относится вообще к собирателям фольклора любых жанров. Ученый намечает такие «типы» собирателей, как «просветители», «гуманисты», «романтики», «обновители искусства», «народники», «спасатели традиции» («патриоты») и т. д.

Как и многие собиратели до и после него, Т. Навасардян руководствовался идеей спасения угасающих духовных ценностей, характерной для романтически настроенной городской интеллигенции: «То, что осталось в народе по традиции, будет проглощено грубыми клыками времени, надо спасти от горькой потери. Это я беру на себя, хотя и не слишком подготовлен к этому. Надеюсь, что теперь мне помогут в этом святом деле»⁶. Отсюда следует, что ценным представлялось уходящее прошлое. Уцелевшее, по традиции, казалось прямым наследием далекого прошлого. Современность же, по мнению собирателя, грубо уничтожает культурные ценности. Спасение фольклора — святое дело.

Нет надобности здесь раскрывать романтическую подоплеку и разъяснять известную иллюзорность такого ностальгического представления о культуре народа. Проникновение европейского образа жизни, развитие промышленности, торговли и городов после присоединения Кавказа к России, безусловно, приводило к разрушению патриархальных устоев, но процесс этот еще не успел охватить сельское население и в целом не было особых оснований для экстренных мер по охране старины. Важно другое. Идея спасения народной культуры от разрушения и забвения, исторически возникшая в Западной Европе, в частности в Германии, успела проникнуть на Кавказ, овладеть умами молодежи, которой свойственны устремленность в будущее и критическое отношение к

унаследованным традициям. Очевидно, интерес к старине приобрел уже актуальность, общенациональное значение, когда «традиции» сочетались со «свободой». Несмотря на противоречивость мировоззрения, как, впрочем, и неурядицы в школе и юный возраст, Тигран Навасардян принялвшись за собирательство, остается верен этому делу, сумев довольно скоро преодолеть узость своего романтического подхода. Идея «спасения» фольклора на Кавказе еще долго останется, с исторической точки зрения, анахронизмом. Но сегодня это кажется весьма оправданным. Все всяких сомнений, и среди предшественников, сотрудников и последователей Навасардяна были люди, которые подходят к тому или другому типу собирателя в силу социального происхождения, образования.

О некоторых сотрудниках, например о Погосе Мурадяне, Саркисе Андреасяне, Мартirosе Епикопосяне, Арутюне Сарыляне и других можно с уверенностью сказать, что они видели в собирательской деятельности «национально-патриотическое» дело. Что же касается педагогов и священников, в особенности тех, кто составлял книжки для чтения детям и взрослым, то их «просветительская», педагогическая тенденция вполне очевидна. А от основной тенденции зависело, куда пойдут записывать, к кому они обращаются за материалом, наконец, что они найдут достойным записать. Трудно сомневаться в том, что все это определило ту картину, которую мы получили о «народе» и его творчестве. Выяснение всех этих взаимосвязей и переплетений является задачей и предметом критического исследования, необходимого для правильной оценки коллекций. Такова проб-

лема. Обратимся для ее решения к фактам.

Никакого учета сотрудников или корреспондентов Навасардян, по-видимому, не вел. Во всяком случае в архиве таких списков не обнаружено. Это, разумеется, затрудняет нашу работу.

В своих публикациях Навасардян выражает благодарность некоторым лицам за помощь. Среди них—Гют Агаян, М. Амбарцумян, Баграт Навасардян, Г. Шэрэнц. Поскольку мы не обнаружили в архиве материалов, собранных или присланных этими лицами, то нет достаточных оснований включать их в список действительных собирателей-корреспондентов.

В результате просмотра фондов и публикаций мы смогли выявить 41 лицо, которых можно считать сотрудниками-корреспондентами, собравшими или передавшими фольклорные материалы для Навасардяна в ответ на его обращение через газету или по другим причинам. Разумеется, это не значит, что не могло быть гораздо больше сотрудников.

Вклад поименно известных собирателей различен, да и сотрудничали они не одновременно. К сожалению, не всегда удавалось найти дополнительные сведения о собирателях. Во времена Навасардяна этой информации не придавалось того значения, которого она заслуживает не только в культурно-историческом, но и в чисто фольклористическом отношении. Однако полученные нами данные могут представить интерес, ибо даже в них, при более внимательном рассмотрении, обнаруживаются некоторые исторически закономерные черты, которые мы постараемся выявить, обобщить и осмыслить.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

1. Абегян М.	M3C	22. Манасян А.	MХС
2. Абоян А.	M3C	23. Мандакуни Г.	M5Г
3. Агазадян Г.	MХМ	24. Матинян Г.	MХГ
4. Азатянц А.	MХМ	25. Мелик-Шахназарян К.	MХМ
5. Амбарцумян Ш.	FXM	26. Мурадян М.	MХС
6. Ананянц М.	MХМ	27. Мурадян П.	M3С
7. Андреасян С.	M2M	28. Назаретян А.	MХМ
8. Атанасянц А.	M3Г	29. Пахлавуни С.	FXM
9. Баатэрян А.	M3Г	30. Марымян А.	MХГ
10. Баатэрян Г.	MХГ	31. Тэр-Арутюнян Ф.	MХС
11. Баатэрян А.	MХГ	32. Тэр-Григорян Р.	MХС
12. Батикян С.	MХМ	33. Тэр-Григорян С.	MХГ
13. Бабакехвян	MХМ	34. Тэр-Меликседекян С.	MХМ
14. Газанчян	MХМ	35. Тэр-Ованесян М.	MХС
15. Ерзян Г.	M5C	36. Уникян Э.	MХМ
16. Епикопосян М.	MХС	37. Ходжамирян Г.	MХМ
17. Закарянц М.	FXM	38. Шакарян Д.	MХМ
18. Заграбян М.	FXГ	39. Шахназарян Х.	M5М
19. Кацахян М.	MХГ	40. Шахсуварян А.	MХМ
20. Лисикиянц Г.	MХМ	41. Шармазанян Г.	MХМ
21. Мажинян А.	MХМ		

В списке указаны имена активных собирателей (материалы которых сохранились в архиве), кодом помечены половозрастные группы: М—мужчины, Г—женщины 1—подростки-ученики, 2—молодые, 3—старые; далее указано местожительство (село, деревня, хутор, местечко). Каждое имя дается под порядковым номером по списку. Дальнейшие раскладки идут по этим номерам.

Среди указанных имен встречаются такие, которые уже тогда или позже стали

весьма известны,—Манук Абелян, Гюл Ананян, Анушаван Абовян. О некоторых из них мы дадим дополнительную справку биографического характера. Сотрудники Т. Навасардяна интересуют нас прежде всего как социальная группа, т. е. как культурно-историческое явление.

Местожительство собирателей имеет важное значение как в географическом, так и в социальном отношении. На картограмме (№ 1) нами показано размещение корреспон-

(Ф) КАРТОГРАММА I. РАЗМЕЩЕНИЕ СОБИРАТЕЛЕЙ—КОРРЕСПОНДЕНТОВ НАВАСАРДЯНА

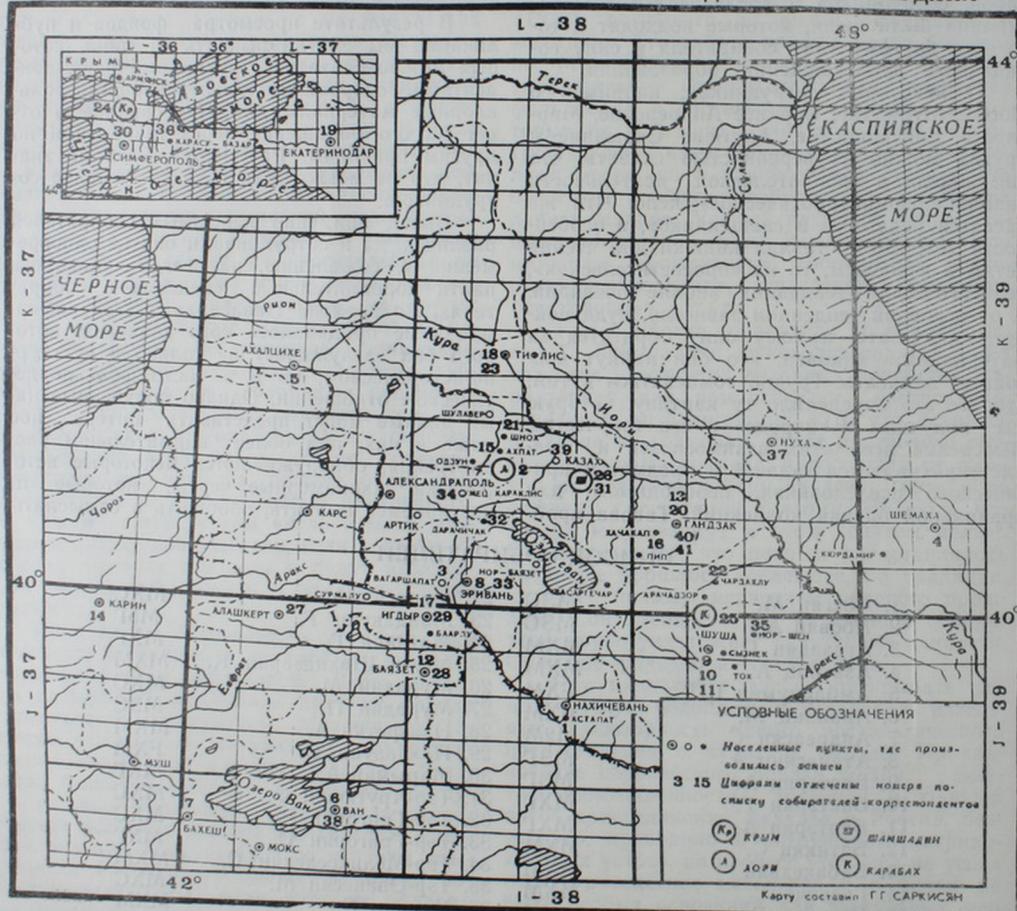

Рис. 5.

дентов с учетом территориального происхождения их материалов. Это, конечно, не всегда совпадает с подлинным местом жительства корреспондента, однако и имеющиеся расхождения представляют интерес. Более подробно освещается нами вопрос о территориальном происхождении материалов в соответствующем разделе (см. с.).

В социальном плане интерес представляет экологическая характеристика местожи-

тельства корреспондентов. Уже для времени Навасардяна допустима группировка по величине населенных пунктов, тем более, что за этим кроются и культурно-исторические связи, существенные для фольклористики.

На основе просмотра фондов и в соответствии с исходным сводным списком можно классифицировать корреспондентов по населенным пунктам—селам, mestechкам или относительно большим городам (С, М, Г):

Собиратели

Жители:

села — № 1, 2, 15, 16, 22, 26, 27, 31, 32, 35. (итого: 10).

mestechka — № 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 17, 20, 21, 25, 28.

29, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41 (итого: 24).

города — № 8, 18, 19, 23, 24, 30, 33 (итого: 7).

Обобщим полученные раскладки.

Большинство корреспондентов Навасардяна проживало в небольших городах, mestechках. Это, вероятно, обусловлено профессией, общим социальным положением собирателей. В те времена откликнувшиеся на призыв Навасардяна лица свободных профессий (учителя, священники и др.), которые жили в крупных населенных пунктах. Если отнести сюда и 7 корреспондентов, проживающих в относительно крупных городах, то картина получится еще более выразительной.

Здесь следует иметь в виду, что для горожан собирание фольклора, посещение сел и хуторов означало «хождение в народ», так как «народ», по понятиям этих людей,— «крестьяне», хотя уже тогда доля горожан среди армян была весьма значительна. В этом свете впечатляет то обстоятельство, что 10 корреспондентов, по крайней мере, были сельскими жителями, хотя собственно крестьян среди них было, вероятно, мало.

Сословно-профессиональная характеристика сотрудников Навасардяна предстает в самых общих чертах. Сведения имеются менее чем о половине корреспондентов, а именно о 38 сотрудниках. Из них 16 учителей (1, 3, 9, 10, 11, 14, 16, 21, 26, 27, 30, 32, 33, 35, 38, 41) и 4 человека духовного сословия (№ 15, 23, 24, 31). Остальные 18 (№ 2, 4, 5, 6, 8, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 22, 25, 28, 29, 34, 39, 40) образуют группу «интеллигенции», в общем довольно близкую выделенным выше.

Отсутствие подробных социологических категорий для описания армянского общества конца прошлого века, а также точных данных о 22 корреспондентах затрудняют интерпретацию «сословной» раскладки. Однако, как это станет видно ниже, корреспонденты в основном составляли прослойку общества, а собирательская деятельность была настолько необычна в те времена, что между сотрудниками Т. Навасардяна, с одной сто-

роны, и «народом», т. е. с рассказчиками-информаторами,—с другой, неминуемо возникло некоторое напряжение, в силу чего собиратели воспринимались как «чужие» и порою вызывали к себе недоверие, во всяком случае настороженность. Это в первую очередь относится к тем горожанам, которые приходили в незнакомые для них села записывать «фольклор».

Для иллюстрации ситуации приведем выдержку из письма корреспондента Мартirosa Епикопояна сотруднику Навасардяну, который сообщает об одном юноше, который по его поручению должен был записывать проклятия и поговорки в селе Човдар. Оказывается, что земляки этого молодого собирателя издевались над ним, допекая вопросами: «ты что наш писарь? наш адвокат? наш пристав?...»⁷

По-видимому, Раффи хорошо знал обстановку, в которой оказывался собиратель. Он писал: «Առաջարկ ժողովուրդ վախենում է գրչից, հենց որ նրա աշբ առաջ մի քայլ պատճեն կատար է: Ինձ շատ անզայ առաջարկում էին այսպիսի հարցեր,—տղա, դրանից իսկ մեզ վասի մը լինի»: («Народ вообще боится пера. Как только пишешь что-нибудь перед его глазами, он ужасается. Мне много раз задавали такие вопросы: не будет ли нам плохо из-за этого?»)⁸.

Известны и другие психологические препятствия, мешавшие деятельности собирателей, главным образом прибывших издалека. Это недоверие к чужим, настороженность в отношении к записывателям вполне понятны. Тем более заслуживает признания деятельность первых собирателей фольклора, энтузиазм которых помогал им преодолевать недружелюбное отношение «народа», который они горячо любили и ради которого взялись за необычное дело!

Половозрастной состав сотрудников На-

васардяна нам плохо знаком. Удалось выяснить лишь, что среди собирателей были даже ученики школ, которые, очевидно, под влиянием своих учителей стали записывать устную народную словесность. Имена таких молодых людей попадали в печать, и это стимулировало активность их соучеников и сверстников. Большинство собирателей, как и сам Навасардян, приступая к этой деятельности, были молоды, некоторые же продолжали этим заниматься вплоть до старости. Примечательно, что среди армян почти не было, на первых порах фольклористики, «маститых» деятелей или исследователей, т. е. лиц преклонного возраста. Такая картина обусловлена, вероятно, тем, что престиж фольклора был еще довольно низок среди просвещенных армян. Любая наука, в особенности же древняя словесность, ценилась гораздо выше, и именно ею занимались. Фольклористика же стала уделом молодых любителей-автодидактов. Надо отметить, что ценность фольклорных записей для науки в сопоставлении с классической словесностью в те времена только угадывалась (по аналогии с германистикой или славистикой). Значение устных преданий для еще не совсем оформленвшейся арmenистики в те времена еще не было доказано и многими отрицалось, хотя уже очень скоро (благодаря деятельности собирателей!) было сильно переоценено. Но именно некоторые заблуждения насчет древности бытования тогда фольклора и послужили в пользу повышения престижа этой науки, которой по мере созревания первого поколения пионеров фольклористики стали заниматься и маститые ученые.

Как происхождение, так и возраст первых собирателей оказывало влияние на отбор информаторов, вне всяких сомнений и на выбор того, о чем они считали уместным рассказывать для записи. Помимо всего прочего в процессе собирания сталкивались взгляды «отцов» и «детей», «крестьян» и «городян». То, что было записано и дошло до нас как «фольклор», — это результат сложного взаимодействия разных общественных сил и тенденций. С этим явлением нам придется иметь дело, говоря о рассказчиках и материалах.

То, что от личности, пола и возраста собирателя зависели отбор информаторов, а также содержание записей, по крайней мере в жанровом отношении, видно, в частности из свидетельства корреспондента Навасардяна, впоследствии выдающегося ученого, Манука Абегяна: «Մեր գլուղերում եթե նորանք ապրիկներն, սնդհականական էին մեծերի ձայն, աղջիկներն, սնդհականական, ապատ էին միշտ... աղջիկները երգում էին և ցերեկ և գիշերները... խաղերն ասում էին և ալգիներում և ուժտերի ժամանակ և պարելիս».

(«Если невесты были у нас неразговорчивы, то молодые девушки чувствовали себя со взрослыми свободно, пели и днем, и по вечерам. Четверогиши испытывались ими и в садах, и во время обрядовых действий и танцев»)⁹.

Итак, доступность информаторов, то ли по причине занятости в хозяйстве, то ли по нравственным соображениям, и делала доступной ту или иную разновидность фольклора для приезжего собирателя. С этим условием непременно следует считаться при составлении общей картины бытования фольклора на основании имеющихся коллекций.

В завершение социологического обзора группы корреспондентов Т. Навасардяна необходимо обратить также внимание на их половой состав. Сотрудниками Навасардяна были преимущественно мужчины — ученики семинарии, учителя, молодые священники. Нам удалось установить, что Навасардяну присыпали свои материалы и женщины. Их было не менее пяти, хотя не все известны по именам. Одна сотрудница предпочла, например, подписаться почти анонимно — «Ваша родственница». По всей вероятности, именно родственные связи способствовали участию в таком, как считалось, «мужском» деле. Разумеется, нельзя было рассчитывать на то, что женщины участвовали бы в сборе материалов *наравне с мужчинами* — они не могли бродить по чужим селам и записывать фольклор, пусть даже от женщин, своих сверстниц. Радиус деятельности собирательниц был обычно ограничен своим местом жительства, нередко кругом близайших родственников. Тем не менее факт участия женщин в сборе фольклорных материалов сам по себе весьма примечателен. Он свидетельствует не только о грамотности армянских женщин (о чем имеются и другие сведения), но и об осознании ими значимости фольклора. А это могло быть лишь результатом известной начитанности, пробуждающейся общественной активности армянских женщин, среди которых собирательство получило довольно широкое распространение. Любопытно, что, по имеющимся сведениям, на начальном этапе собирания фольклора в Прибалтике, где женщины обладали большей свободой, чем на Кавказе, женщины-собирательницы тем не менее вовсе не было.

Хотя среди армян собирательниц фольклора было всего пять, их участие способствовало фиксированию некоторых видов фольклора, на которые мужчины не обратили должного внимания. Если даже учесть, что собирательницы записывали материалы «от себя», то и тогда это имело бы большую ценность с точки зрения объективности всей совокупности репертуара, так как женщины бы-

ли активными носителями устной традиции.

2.3. *Методическое руководство*. По всей вероятности, корреспонденты Т. Навасардяна, как и он сам, руководствовались инструкциями и образцами, которые были опубликованы по инициативе русских ученых. Навасардян, возможно, передавал своим корреспондентам анкеты-вопросники (так называемые «квестионарии»), составленные в соответствии с программами «Русского географического общества» и московских научных обществ. Учитывая характер поступившего в архив ИАЭ материала, можно заключить, что определенные направляющие указания исходили и от самого Навасардяна. Наконец, из переписки видно, что Т. Навасардян подтверждал получение материалов, делая какие-то замечания.

Свою роль сыграла также изданная в Москве в 1887 г. Гр. Халатянцем «Программа армянской этнографии». В свете этого руководства можно рассмотреть содержание отдельных коллекций плодовитых собирателей, да и всего архива Навасардяна. Можно выяснить, как программа Халатянца выполнялась Навасардяном и его корреспондентами. Интересующиеся этим научно-историческим вопросом могут воспользоваться нашим статистическим обзором архива Навасардяна см. с. 28).

О том, как протекала работа Т. Навасардяна с его корреспондентами, мы знаем очень мало. Кое-что выясняется из писем, поступивших к собирателю и сохранившихся в его архиве. Возможно, что в письмах, отправленных Навасардяном, содержались прямые указания, где, от кого, что записывать. Однако этих писем отправитель не сохранил. То, что мы узнаем из случайной переписки, имеет второстепенное значение, хотя и обогащает нашу информацию некоторыми весьма любопытными бытовыми деталями. Так мы узнаем, что Навасардян поощрял своих корреспондентов личными письмами, посыпал тетрадей для записи, а также дарственными экземплярами своих публикаций. М. Епископский выполнял, видимо, функции местного организатора. В одном письме он сообщает из села Хачакап (Гандзак), что присланые тетради переданы им собирателям. В некоторых случаях Навасардян, по-видимому, передавал своим корреспондентам пожелания исследователей или издателей собирать определенный материал. Так, в архиве Навасардяна сохранилось письмо Григора Мандакуни, священника из Тифлиса, в котором он просит Константина Мелик-Шахназаряна записывать в Карабахе «сугубо национальные загадки»¹⁰, намереваясь издать сборник (что, впрочем, так и не удалось).

Т. Навасардян ориентировал своих корреспондентов на «спасение» всего, что дош-

ло до современников из прошлого, однако собиратели не были ограничены в своих увлечениях, продолжали целевые записи. Так, например, Г. Мандакуни собирал только загадки, другие отдавали предпочтение иным видам словесности. Среди отклинувшихся на обращение Навасардяна были любители фольклора, имевшие собственные рукописные коллекции, некоторые передавали ему уже готовый материал. Есть основания считать, что Аракел Баатэрян, учитель школы Нерсиан, передал Т. Навасардяну материалы, записанные Гр. и Ал. Баатэрьянами еще в 1860—1870 гг. в Карабахе. Эти материалы требуют особого рассмотрения. В архиве Навасардяна оказались также записи Давида Шакаряна из Вана, которые, очевидно, были проведены без вмешательства Навасардяна. В сущности, эти собиратели были предшественниками Навасардяна.

2.4. *Намерения собирателей*. О личных мотивах или интересах собирателей, о том, что их побудило отозваться на призыв Т. Навасардяна или проявить собственную инициативу, мы узнаем из случайных сопроводительных писем. Это, конечно, не дает полной картины. Обычно удовлетворяются самим фактом присылки материалов, при публикации или использовании которых сопровождающие письма и примечания (обычно они поверхности в научном плане) опускаются. Между тем подобные материалы имеют немалую культурно-историческую ценность, так как свидетельствуют об отношении общества к фольклору, являются важным документом по истории так называемого фольклоризма. Следует добавить, что мировоззрение собирателя всегда, более или менее сильно, оказывается и на материале. Это явление проявляется не только в том, какие информаторы попадали в поле зрения или привлекали внимание собирателя, но и в том, что именно от этих информаторов записывалось. Но роль собирателя, в крайних случаях, проявляется в невольном или даже сознательном извращении материалов, в мистификациях, подделках и т. д. Самая безобидная форма такого вмешательства — это стилизация и исправление языка текстов. Ибо грань между собирателем и литератором не всегда уловима. Во многих случаях собирателями бывали писатели (например, Анушаван Абович из Лори), что не могло не сказываться на материале. Без надлежащей критики невозможно определить, в какой мере фольклорные тексты уже являются памятниками литературы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Представление о литературности проявлялось в записях уже у самых молодых собирателей — учеников. В кавказских «Сборниках» их тексты слишком «литературны»,

В лучшем случае они не были свободны от оценок своих школьных учителей словесности. Так, Саркис Андреасян, 15-летний ученик Нерсисянской школы, пишет, очевидно о тех, от кого он и другие записывали фольклор: «Среди нас были народные поэты, которые пели и оплакивали горе и мучения армянского народа. Но придет время, когда эти грустные песни заменятся веселыми»¹¹. Из этого высказывания можно сделать по крайней мере два важных вывода. Во-первых, что этот молодой собиратель видел в своих информаторах «поэтов», и в этом, он, пожалуй, не ошибся. Но, во-вторых, юноша уже успел приобрести откуда-то весьма романтическое представление о том, каким должен быть настоящий поэт (не только народный) и о том, что поэту пристало «оплакивать» горе и мучения. Это мнениешло с учительских кафедр, и еще сегодня не всякий фольклорист увидит здесь надуманную концепцию, далекую от действительности. Такой юноша-собиратель не станет записывать веселые песенки или анекдоты. Подобные настроения ожидаются им в туманном, далеком будущем. Неудивительно, что литературный романтизм с настроением «мирской скорби», помноженной на национальное горе, послужили фильтром при отборе материалов из народных уст.

Современные фольклористы невольно видят словесность глазами этих юношей прошлого века. Однако среди корреспондентов Навасардяна были и люди более зрелые, с большим жизненным опытом, горизонт которых был гораздо шире. Так, например, священник Вардан Тер-Арутюнян из Шамшадинца записывает озорные анекдоты, а крымский священник Григорий Матинян собирает детские песенки и игры, а также четверостишия.

Ценность материалов, собранных Т. Навасардяном, в их многообразии,—его корреспонденты представляли различные социальные слои общества, которым были присущи определенные политические и эстетические противоречия. Однако всех их объединял общий энтузиазм и убежденность в будущей пользе собирательской деятельности. С. Андреасян выразил общее мнение, когда писал Т. Навасардяну, что старые и новые песни и предания со временем смогут послужить «путеводителем» для будущего поколения и основным материалом для ученых и археологов. В ценности материала как исторического памятника убежден и собиратель из крестьян, не получивший систематического образования, Погос Мурадян из села Зеткан (Алашкерт). В предисловии к рукописному сборнику «Деревенские записи» («Нишхарк Гехчакан гроц») он писал (FB 1:3011): «Ժամանակէ մը ի վեր խնդիր է խանալ գալա-

պական հրատարակությունների բարքանը ու լեզուն և ոճը ու նոց ծագութը և բաժանութը:

...Սորս վրայ ոմն այսպէս և ոմն այնպէս իրանց կարծիքներն ու գործերն հրատարակեցին. Ես ևս ամենն յետինը պարտ մը համարեցի ինձ նոց վրայ կազմած գաղափարների իւկ յայտնելու: («Задача» нашего времени знать диалект, языки, стиль, их происхождение и отличия. Многие издавали свои работы и мнения в связи с этим делом. Я также последний, более или менее посчитал долгом для себя сообщить мое мнение об этом»).

Некоторые собиратели имели и свои сугубо личные мотивы. Так, Минас Хачатрян посыпает Навасардяну записи воспоминаний своей старой матери, считая их заслуживающими общего внимания и бережного хранения. А священник В. Тер-Арутюнян скромно отмечает: «...не имея систематического образования, чем мог бы оставить о себе вечную память на земле, и чтобы имя мое не стерлось из поколения в поколение, я собрал несколько анекдотов, которые представляют... действительность прошлого и настоящего, не будучи мифическими или эпическими»¹².

Нельзя отказать этим собирателям в прозорливости,—их деятельность оставила след и притом довольно ценный. Однако, чтобы выявить в собранных ими материалах «действительность прошлого и настоящего», предстоит в будущем еще основательно поработать. А так как все собиратели своей деятельностью стремились служить пользе и просвещению будущих поколений, бережно охраняли преемственность культуры, то мы и теперь еще в долгу перед памятью этих людей.

Представляют интерес биографические справки об отдельных видных собирателях—Г. Ананяне, А. Атанасянце и др.*

* Гюл Ананян—священник, известный переводчик, редактор и издаатель. Родился в 1856 г. в Тифлисе. Начальное образование получил в частной гимназии Сруби Мамиконян. В 1863 г. был учеником Гарегина Мурадяна (епископ Меликеседек). В 1865 г. поступил в школу Нерсисян, по окончании которой в 1873 г. был оставлен в ней в качестве преподавателя. Г. Ананян открыл школу близ церкви св. Минаса в Авlabаре, где сам же преподавал. С 1876 г. продолжил преподавательскую деятельность в школе Нерсисян. Положил начало переводу детской литературы, которая стала издаваться с 1877 г. В 1896 г. по поручению католикоса Г. Ананян отправился в Константинополь, где из частных библиотек местных армян собрал интересные сведения, касающиеся истории армянского народа. Оттуда он выехал в Германию с целью приобретения печатных машин для Эчмиадзинской типографии. В 1902 г. Г. Ананян издал 6-томное

3. ИНФОРМАТОРЫ

Информатор-рассказчик как личность, как исполнитель стал привлекать ученых-фольклористов лишь в начале XX века. Этот интерес связан с именем М. К. Азадовского и является выражением определенных взглядов на сущность фольклора. В дальнейшем у Азадовского нашлись последователи, сперва в СССР, а затем и за рубежом (Хенссен

собрание рукописей об истории армянской церкви XVII—XIX вв. В 1890 г. Г. Ананян получил духовный сан священника школы Нерсисяна. С 1896 г. издавал журнал «Лума», в котором работали Прошян, Ширванзаде, Мурацян, Качберян, Шахазиз и другие видные писатели. Г. Ананян сотрудничал также в периодической печати — в «Мегу Айастани», «Ардзаганк», «Нор-Дар».

Ашот Атанасянц родился в 1870 г. в Ереване. Сын священника Назарета Атанасянца, ученика католикоса Хризима Айрика и близкого друга Г. Срапандяяца. Атанасянц получил образование в школе Нерсисяна, затем в Ереванской гимназии, впоследствии окончил Сельскохозяйственную школу в Германии. Вернувшись на родину, в течение 6 лет работал учителем, а затем агрономом в Тифлисе. А. Атанасянц основал еженедельную газету «Ашхатак», был также редактором газеты «Гюхатнис». Свои статьи подписывал псевдонимом «Дон Петрос», «Кайцак», «Зангак» и т. п.

Константин Мелик-Шахназарян под псевдонимом Тмбличи Хечан начал свою деятельность по изданию литературы для детей. Родился в Шуши (Карабах) в 1856 г. Учился в родном городе, затем в Эчмиадзинской духовной семинарии. В 1883 г. обучался в Европе земледелию и сельскому хозяйству. Мелик-Шахназарян, не поладив с духовенством, поступил на работу в частное имение. Начал писать в детском журнале «Ахпюр», где опубликовал ряд деревенских песен и бытовых зарисовок. Известны его статьи и сатирические произведения («Ампер», «Дарбин», ряд других), которые с удовольствием были восприняты детьми. В 1882 г. был издан един из его рассказов на карабахском диалекте Шуши.

Манвел Ананян — известный деятель культуры. Родился в 1841 г. в Ване. Окончив школу, уехал в Германию, где получил педагогическое образование. Вернувшись в родной город, открыл частный детский сад. Впоследствии преподавал в школе Еремян. Был одним из редакторов журнала «Арцуи Васпуракаш». В периодической печати издавал статьи под псевдонимом Оно. Написал исследование о ванском диалекте. С этнографическими материалами выступал в журнале «Порц», издаваемом поэтом Иоаннесом Иоанинисаном.

Погос Мурадян начальное образование получил в селах Зеткан и Хастур, затем учился в Константинополе. Преподавал в семинарии Санасарян и ряде школ провинции Алашкерт. Владел турецким, французским и курдским языками. У Мурадяна было много ценных рукописей, которые Туманян и Ширванзаде в свое время советовали опубликовать, но впоследствии рукописи скорели.

и др.). Нас здесь не должно занимать ни само это направление, ни критика «культы» сказителя. Это было бы актуально для более позднего периода фольклористики.

Хотя и в отношении информаторов, в частности рассказчиков, также были предприняты попытки описания их «типологии» (например, Никифоровым еще в 20-х гг.), тем не менее мы воздержимся от характеристики рассказчиков (материалы которых оказались в фонде Т. Навасардяна) уже по той причине, что индивидуальность, стиль рассказчика могут быть изучены лишь на основании живых наблюдений. Нас вообще не должно интересовать в данной работе «сказительство» как таковое и личности рассказчиков как творческих индивидуальностей. Информаторы корреспондентов Навасардяна занимают нас как социальная группа носителей определенных признаков, среди которых особое значение для исследователя имеет, конечно, их «фольклорная компетентность».

Мы уже отмечали в разделе о собирателях, что взгляды последних на фольклор и мотивы, побуждающие их записывать произведения словесности, в большой мере определили контингент информаторов, к которым собиратели сочли нужным обратиться. Следовательно, рассмотрение контингента информаторов позволит лучше понять подход собирателей к фольклору и восполнит наше представление об истории фольклористики не на основе каких-то прямых высказываний, а на основе результатов деятельности фольклористов начального периода. В этом суть детального рассмотрения личности и деятельности рассказчиков в настоящей работе, посвященной организатору собирательского дела.

Контингент информаторов. Прежде всего надо отметить, что в фондах сохранилось очень мало сведений о рассказчиках и певцах, со слов которых велись записи.

Было бы большим упрощением объяснить эту скучность сведений одной лишь неряшливостью собирателей. Если мы теперь, как правило, отмечаем имя и фамилию, возраст, образование, происхождение информатора, то в этом находит выражение определенное представление о сущности фольклора. Поэтому будет справедливо сказать, что и в отсутствии таких данных тоже проявляется некая концепция, пусть и неприемлемая для нас теперь.

Для ранней поры фольклористики объектом исследования был «народ» как индивидуальность, наделенная специфическим характером, своеобразной культурой и т. п. Вместе с тем, по объективным причинам, «народность», т. е. «чистоту народного ду-

ха», искали в определенных слоях населения, а именно в низших, по возможности в глухих селах, вдали от города. За всем этим кроется, конечно, определенная система взглядов, которых современная нам наука не разделяет, но их все еще придерживаются собиратели. Практически любой житель села, в особенности если он не умел читать и писать, имел шанс считаться «представителем» народа и все, что могло быть записано со слов такого человека, выдавалось как «народная мудрость» и как явление «национальной культуры». В силу таких взглядов не было особой необходимости фиксировать имя, персональные сведения о таком «представителе народа», ибо все являются носителями национального наследия. Как раз потому, что собирателей интересовал «народ», а не «рассказчик как личность», последний не заслуживал их внимания. Поскольку «фольклор», по мнению собирателей и любителей того времени, представлялся «национальным, общенародным» достоянием, причем глубокой древности, которое может исчезнуть, но не может видоизмениться, то не было необходимости записывать сведения об информаторе. Роль рассказчика или певца была в глазах собирателей похожа на роль писца, переписчика старой рукописи.

Нам не приходится удивляться тому, что в нашем архиве сведений о рассказчиках мало. До Навасардяна этих данных было повсюду еще меньше. Именно Навасардян, как известно, стал требовать от собирателей сведений об источниках их текстов. Это было прогрессивным новшеством, которое было подсказано пониманием значения территориальности вообще и диалектов в частности, с точки зрения истории культуры. В условиях подвижности армян (правда, вынужденной) требования к собирателям фольклора указывать место записи встретило общее понимание. А это, в свою очередь, привело к более подробной документации источника, к фиксации имени (что равнозначно записи пола, а подчас и возраста). Последнее было опять-таки подсказано историческим подходом к явлениям культуры, ведь от возраста зависит искомая «древность» текста, потому обращались к старикам.

В бумагах самих собирателей мы нашли и «технические» объяснения отсутствия данных об информаторах. Теперь они звучат для нас странно, но тем не менее имеют культурно-историческое значение. Г. Тер-Александрян указывает, что он, по просьбе пожилых женщин, от которых добыл немало сведений о быте тифлисцев, не называет их имен¹. Г. Акопян также отмечает, что «девушки особенно не желали, чтобы их слова записывал чужой, приезжий из города мужчина» и пе-

редавал бы сказанное ими в других местах— «чтобы не смеялись над сочинителями»². Подобные факты свидетельствуют о несерьезном отношении к записываемым песням и другим материалам.

В наше время картина резко изменилась. Однако желание сохранить анонимность у самих носителей фольклора имеет довольно глубокие корни. Дело в том, что рассказчик считает себя обычно лишь «передатчиком» и всячески избегает собственных дополнений или «искажений» того, что им было услышано. В этом и кроется традиционность.

Обратимся теперь к имеющимся в нашем распоряжении данным. Составлена сводная хроносоциограмма из собранных Т. Навасардяном материалов. Обобщены сведения по десятилетиям, позволяющие показать динамику во времени, подытожено количество собранных текстов. Для характеристики контингента информаторов по каждому десятилетию показаны, раздельно для каждого пола, возрастные группы по нашей схеме. Нам удалось установить пол и возраст информаторов всего лишь в 15 случаях.

Среди них 3 мужчин и 12 женщин. По этому списку 12 человек из Карабаха (5—по Карабаху, 2—Туг, 4—Шуши, 1—Сызnek). Кроме имени никаких данных нет.

Подготовлена сводная таблица, из которой видно, в каких населенных пунктах проживали информаторы. Располагая весьма скучными данными о них, мы могли только поставить вопрос о связи между информатором и материалом, который от него был записан.

Если верно то, что собиратели, в силу определенных взглядов, обращались к лицам определенного пола и возраста, то отсюда следовало бы, что в какой-то мере подбором контингента информаторов предопределен и материал (хотя бы в жанровом отношении), который будет от них записан и попадет в архив, а в дальнейшем послужит основой для наших представлений о фольклоре.

О правильной постановке вопроса и о том, что при наличии подробных данных можно было бы получить весьма ценные сведения по бытованию фольклора, свидетельствует тот факт, что четверостишия (джангюлумы) записывались преимущественно от девушек. Это позволяет сделать вывод, что подобный вид поэзии бытовал именно среди девушек. По-видимому, собиратели обращались к девушкам именно ради этих «джангюлумов». Очевидно, еще в конце XIX в. четверостишия эти имели специфических носителей, вместе с тем им был присущ обрядовый характер.

К вопросу о подборе контингента инфор-

В предлагаемой хроносоциограмме связь жанра или вида фольклора с полом и возрастом информатора отражена на основе случайно сохранившихся отрывочных данных.

ХРОНОСОЦИОГРАММА

Время записи по десятилетиям	Кол. текстов по десятилетиям	Пол рассказчика	Возраст рассказчика									Итого
			X	1	2	3	4	5	6	7	8	
1860—1870	701	X	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		M	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
		F	11	—	—	—	—	—	1	—	1	14
1871—1880	2813	X	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		M	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		F	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
1881—1890	2922	X	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		M	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
		F	—	—	—	—	—	—	1	—	—	0
1891—1900	768	X	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		M	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		F	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
X	5996	X	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
	13200	M	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
		F	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0

X=0
M=3
F=14

Таблица 1

Таблица 2

№	Сказитель	Пол и возраст рассказчика	Местожительство рассказчика	Местожительство рассказчика											
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Ханум	FX	Туг (Карабах)												
2	Уррум	FX	Сынек												
3	Маргарит	FX	Карабах												
4	Азиз	FX	Карабах												
5	Ануш	FX	Карабах												
6	Баджи	FX	Туг												
7	Маник	FX	Кара бах												
8	Ростом	MX	Карабах												
9	Амбарцум	MX	Шуши												
10	Реан	FX	Шуши												
11	Анина	FX	Шуши												
12	Нахшун	FX	Шуши												
13	Вардан Манукян	M6	Техут (провинция Бзнуниан)												
14	Ашхен Иоаннисян	FX	Вагаршапат												
15	Марица	FX	Симферополь												

Жанр	Сказитель	Пол, возраст	Количество текстов
9.5	Биби	FX	16
	Анина	FX	20
	Маргарит	FX	18
	Азиз	FX	11
	Ануш	PX	4
	Баджи	FX	12
	Нахшун	FX	47
	Репен	FX	6
	Ханум	FX	35
	Амбарцум	MX	8
	Уррум	FX	3
	Ростом	MX	4
9.6	Анина	FX	1
	Нахшун	FX	1
	Анина	FX	5
	Нахшун	FX	10
9.6.9	Нахшун	FX	1
	Нахшун	FX	1
	Анина	FX	21
	Нахшун	FX	42
7.1.3	Анина	FX	2
	Нахшун	FX	1
	Анина	FX	1
7.1.5	Нахшун	FX	1
	Нахшун	FX	1
7.2.7	Маник	FX	2
	Всего:		267

маторов примыкает тесно вопрос о профессионализации фольклора и о связи определенных традиций с некоторыми семьями. Сведения об этом также скучны.

Собиратель Погос Мурадян сообщает, что большую часть собранных им песен рассказал ему слепой ашуг, шестидесятилетний Манук Варданиян из села Техут провинции Бзнуниан—«живой хранитель целого клада провинциальных песен»³. Следует предположить, что и другие собиратели искали таких знатоков фольклора. Наличие ашугов, поющих на армянском языке,—факт ценный и

все еще недостаточно оцененный. Для Мурадяна ашуг—это «хранитель», качественно ничем не отличающийся от других певцов, от которых записывались отдельные песни.

Здесь мы вообще наталкиваемся на вопрос о профессиях информаторов. Из 15 лиц нашего именного списка сведения известны только о двух. Но вполне вероятно, что многие, в том числе и анонимные, информаторы могли быть в своем деле более или менее профессиональными.

Что же касается семейств, у членов ко-

торых определенное искусство передавалось по наследству (что очень важно как для оценки профессионализации, так и вообще для бытования фольклора), то и об этом сохранилось мало сведений. Тот же наблюдательный собиратель П. Мурадян сообщает о такой семье: «Отец и дед Манука Варданяна были стихотворцами-самоучками, чьи произведения по традиции, из уст в уста, без потери передавались нам»⁴. Отсюда видно, что собиратели в некоторых случаях уже догадывались об авторстве своих информаторов. Любопытно, что, по сведениям Мурадяна, стихи без авторского акrostиха (мохюр) не принимались обществом.

В тех случаях, когда имена информаторов нам известны, мы располагаем также некоторыми данными о высоком исполнительском искусстве информаторов, к которым,

по-видимому не случайно, обращались собиратели.

Мы не знаем степени репрезентативности контингента информаторов, мы даже не знаем их точного количества. Бессспорно, их было гораздо меньше, чем записанных текстов, которых набралось 19 141.

Предполагая, что у Т. Навасардяна было только 50 корреспондентов и каждый из них в среднем записывал материал всего от 20 человек, можно допустить, что коллекция Т. Навасардяна восходит к сообщениям 1 000 информаторов. В условиях того времени, учитывая добровольный характер собирательской деятельности, подобный факт следует расценивать как значительное достижение.

Полученные количественные показатели позволяют сделать весьма положительный вывод о качестве коллекции.

4. АРХИВ Т. НАВАСАРДЯНА

Архив Т. Навасардяна образует ныне персональный фонд (FB1) хранилища Отдела фольклора Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. Этот фонд, насчитывающий 4 981 страницу (по пагинации) образует, согласно структуре хранилища, одну часть (FB 1:). Следует отметить, что доставшийся институту архив был хаотичен, внутренней структуры не имел, хотя в нем местами обнаруживаются исходные рукописные собрания, которые, кстати, не нарушены генеральной описью, проведенной в порядке общей аналитической документации всего хранилища.

Опись проводилась согласно кодификатору АСЛ (Армянской системы Левина). При описании архива Т. Навасардяна мы также пользуемся этой документационной системой, которая здесь представлена в выдержках.

Следует оговорить, что наш обзор подчинен общей цели работы, а именно описанию и оценке наследия Навасардяна. Этим определяется и подход к содержанию архива. Описание по существу содержания фольклорных материалов, собранного в архиве, полностью исключается из нашей задачи, хотя бы потому, что всякое изучение фольклора имеет свой предмет и не может вестись на уровне одной коллекции. Для решения проблем фольклора, словесности необходимо использовать всю совокупность доступного материала, а не только одного собирателя или рассказчика. Исследовать надлежит произведения.

Под содержанием архива, в отличие от фольклора мы понимаем довольно определенный, источниковедческий уровень. Нами описаны географическое происхождение материалов, хронологическая динамика поступ-

ления записей, язык текстов (поскольку в архиве Навасардяна содержатся и неармянские тексты), наконец, содержание записей на уровне документационных видов. Для большей наглядности создана сводная документация, которая может быть научно-исторически и культурно-исторически интерпретирована, причем не только в рамках описания деятельности Навасардяна. Нельзя упустить из виду, что архив Навасардяна, в том виде, в каком он нам достался, целиком и полностью является своеобразным памятником культуры.

4.1. Общая статистическая характеристика.

На 4981 странице содержатся, согласно нашей генеральной описи, 13200 «текстов», т. е. «единиц информации». Когда мы имеем дело с записями фольклора, что объем, т. е. пределы «текста», особых проблем не выдвигает. Каждая песня, каждое четверостишие, загадка, пословица, сказка или предание образует «текст», т. е. единицу. Информатор создает начало и окончание произведения и соответственно это записывается также собирателем.

Когда мы имеем дело с этнографией, то подсчет уже усложняется. Неясно, что считать «началом» сообщения, а что «окончанием», выделять ли элементы описанного обряда (например, песню, которая исполняется в ходе обряда), как вообще поступить с описанием того или иного периода жизни людей, например с описанием воскресного дня или процесса всенародных работ и т. п. Нужно ли считать целью испанную тетрадь с полевым дневником этнографа отдельным «текстом» и «единицей»? При учете материалов архива эти вопросы непременно воз-

никают и создают немалые трудности. Согласно кодификатору АСЛ все эти вопросы решены принципиально. Мы не будем задерживаться на этой проблеме по двум причинам: во-первых, автор системы, И. Г. Левин, сформулировал соответствующие инструкции, а во-вторых, в архиве Навасардяна оказалось относительно мало этнографических материалов и преобладает фольклор, т. е. записи словесности, которые, как уже отмечено, для учета непроблематичны.

Из 13200 «текстов» 12705 относятся к разряду «фольклора», а 216 составляют «этнографию», 279 единиц содержат информацию, которую нельзя отнести непосредственно к «фольклорным» текстам. Без специальных оговорок эти сообщения нельзя включить и в «этнографию», хотя они представляют интерес для этнографии.

Приведем тематику этой информации с указанием числа выделенных нами единиц.

Таблица 3

0.0.0.	Неэтнографические и нефольклорные данные	Кол-во	% к 100 %
0.1.0	О месте записи	19	2.7
0.2.0	О времени записи	2	0.5
0.3.0	О собирателях	9	2.2
0.3.2	О коллекции:	130	35.5
0.4.0	О ко-респонденте	10	2.7
0.4.1	О его территориальной группе	1	0.2
0.5.0	Интерпретация явлений	101	27.6
0.5.1	Перевод	16	4.4
Всего		279	100 %

В этом разделе выделены сведения о материалах, попавших в архив Навасардяна, в частности переписка с корреспондентами, где немало интересных наблюдений. Сюда же относятся дополнительные данные о месте и времени записи. Особое место по кодификатору отводится различным комментариям и интерпретациям записанных явлений, которые даны собирателями от себя. Это весьма ценный материал по истории научной мысли и для характеристики мировоззрения и понимания собирателей.

Размежевание «фольклора» и «этнографии» произошло в науке довольно поздно и укоренилось в России по ряду причин. Это разделение было затем внедрено в научную жизнь советскими вузами. Определенную и довольно спорную роль в этом раздвоении предмета сыграл М. К. Азадовский.

В XIX в. народоведческая наука не признавала такого подразделения и тем более противопоставления «этнографии» «фольклористике», хотя уже намечалось обособление «словесности» от «вещевой культуры», однако обряды, верования, игры и т. п. в практике ученых и собирателей тяготели больше к «духовной культуре», куда относились и вся-

кая народная словесность. Так, уже в конце 1890 г. М. Абегян ввел в Эчмиадзинской семинарии Геворкян специальный курс народной словесности.

Естественно, что каждый собиратель выбирал себе то, что его интересовало, но в общем полевая работа собирателя была комплексной. Это нашло отражение в предисловии к сборнику «Гроц-брюц» Г. Срвандзянца: «Наша цель—вспомнить кое-какие моменты из быта народной жизни, которые могут осветить историю нации, язык и литературу. Достойны внимания общественные и религиозные торжества, пословицы, клятвы, проклятия, благословения, песни, танцы, игры, которые вообще отразят историю жизни и языка!». Таким образом, уже Г. Срвандзянц развернул полный каталог народоведения, который и ныне не совсем укладывается в «этнографию» или «фольклористику». Его интерес был обращен скорее на социологию и историю. Объектом исследования Срвандзянца выступала «нация» как историческая категория. Это отвечало научным требованиям, практиковавшимся в Западной Европе, которые затем были реализованы в России и в форме специальных программ рекомендованы любителям культуры народов Кавказа. Такой подход был в свое время достаточно прогрессивным, однако в последующем объект исследования и методы значительно расширились и уточнились.

Поколение Т. Навасардяна следовало этой широкой программе безусловно и мы вправе были ожидать наличия соответствующих материалов в его архиве.

Интерес к этнографии, духовной и материальной культуре прослеживается на протяжении всего периода деятельности Т. Навасардяна и его сотрудников. В нашем распоряжении записи с 1860 по 1900 гг. Разумеется, интенсивность сбора сведений по «этнографии», по субъективным причинам, неодинакова. Следует отметить, что в сущности вся информация, находящаяся в архиве, преимущественно «словесная». Предметы народной жизни, быта, орудия не коллекционировались.

Этнографические записи особенно богаты в 1890—1900 гг. Сам Т. Навасардян к подобным материалам обратился в 1890 году (VI том сборника). Его привлекли детские игры, занявшие прочное место в армянском народоведении. Отметим, что еще Г. Срвандзянц рекомендовал собирать детский фольклор. Этим занялись Каджберуни, Тер-Александриан, Прошян, Тер-Саркисян (Тевкани) и др. Ованес Бархударян в 1895 г. смог уже издать целый сборник детских игр. Эти усилия имели педагогическую направленность.

Предлагаемый список этнографических

Таблица 4

Жанр		Кол-во текстов
1.4.8.	Очаг и печь, кухня	1
1.7.0.	Меры и весы	1
2.0.6.	Одежда	1
5.3.2.	Состязание подвижное	16
5.3.4.	Детские игры	13
6.1.1.	Астрономия (приметы погоды)	1
6.1.2.	География	2
6.1.8.	Зоология и ветеринария (фауна)	1
6.2.2.	Мелинина	41
6.4.2.	О демонах и злых существах	6
6.5.2.	Неписанные нормы	97
6.5.3.	Святое действие (ритуал, церемонии, обряды, жертвоприношение)	36
Итого:		216 текстов

Из данных табл. 4 и 5 выясняется, что больше всего собрано материалов духовной культуры. Записи произведены неравномерно в Восточной и Западной Армении, а также у армян Крыма. Так, в 1860—1870 гг. по субъективным причинам нет ни одной записи этнографического материала. В этом десятилетии имеются только записи от Баатэрянов, которых вначале интересовало собирание народных сказок. В 1870—1880 гг. записанные этнографические материалы не отличаются разнообразием. В последующее десятилетие и особенно в 1890—1900 гг. записи этнографических материалов учащаются. Отметим, что в те годы этнографические материалы записывались вместе с фольклорными. Так, Баатэряны в 1870—1880 гг. в Нагорном Карабахе записали наряду с фоль-

Таблица 5

Место записи	Собиратель	Жанры по десятилетиям				
		1860—1870 гг.	1870—1880 гг.	1880—1890 гг.	1890—1900 гг.	X
Шуша (Карабах) Нср-Шэн (Карабах)	Баатэрян Тэр-Иоанисян Микаел		5.3.4.		5.3.4. 6.5.3.	
Астапат	Абегян Манук				2.0.6. 6.4.1. 6.4.2. 6.4.5.	
Вагаршапат Юварачник Бада (Крым) Екатеринодар Карин	Агазадян Гаспар Тэр-Геворкян Рафаэл Матинян Кацакян Минас Газанчян			5.3.4. 6.5.2.	6.5.3.	6.5.2. 6.4.2. 6.5.2. 6.5.3.
Ван	—		6.4.2. 6.5.2. 6.5.3.			
Джагалу	Навасардян Тигран			5.3.4. 6.5.2.		
Гандзак	—			6.1.2. 6.1.3. 6.1.8. 6.2.2. 6.4.5. 6.5.3.		
Ван	—			6.4.5. 6.5.2. 6.5.3. 6.5.2. 6.5.3. 5.3.4. 6.5.3.		
Айрапат						
Алашкерт	Мурядян Погос					

материалов из архива Навасардяна мы группируем по классификатору АСЛ.

Несмотря на незначительное количество, этнографические материалы разносторонни в тематическом отношении. Чтобы лучше представить себе распределение этнографических записей географически и хронологически, мы составили сводную таблицу, куда внесли также и имя собирателя:

фольклорными материалами ряд народных обычаев. Гр. Ходжамириян в 1870-х гг. записал материал о домашней утвари, о специальных предметах, употребляемых при выпечке хлеба, а также об одежде. Матинян в 1880-х гг. собрал материал о суевериях, а также образцы словесности в Шнохе (Лори). Манасаряна заинтересовали сведения о жизни и быте армян Крыма, он, в частности, запи-

сал детские игры. Кацахян подробно описал обычай, широко распространенный среди крымских армян во время Вардавара.

Ряд коллекций озаглавлен, например: «Сборник записей на диалекте, загадок, проклятий, благопожеланий, детских песен, поговорок, скороговорок, описаний орудий, животных, деревьев, различных трав, утвари, цветов и растений» М. Тер-Ованисяна (1881, с. Нор-Шен, Карабах); «Духовный мир ванских армян—песни, поговорки, беседы, загадки, проклятия, суеверия, обычаи и т. д. с грамматикой и словарем»; «Народные предания на диалекте Дарачичака, собрал Рафаэл Геворкян в 1884 г., сказки, народные песни, загадки, проклятия, благословения, клятвы, скороговорки, суеверия».

После 1870 г. значение собирания этнографических материалов поняли не только лица с европейским высшим образованием (как Баатэрьяны), но и сельские интеллигенты, получившие образование в провинциальных школах (например, Рафаэл Тер-Геворкян, Гаспар Агазадян, Погос Мурадян и др.).

Тексты фольклора подразделены, согласно кодификатору, на разряды: «язык» (7), «проза» (8), «поэзия» (9). Каждый из этих разрядов имеет ряд подразделов, достаточных для первичной описи материалов. По этой схеме собственно фольклорные тексты в архиве Навасардяна распределяются по разрядам F7, I8, F9 следующим образом:

F7. Язык

- F7.0.1. Формулы—30 (кол-во текстов)
- F7.0.2. Словарные материалы—264
- F7.0.3. Топономика—11
- F7.1.1. Формула вежливости и контакта—3
- F7.1.3. Пожелания, благословения—396
- F7.1.4. Молитвы—28
- F7.1.5. Проклятия, заклинания—5665
- F7.1.6. Выкрики торговцев, побудки и т. д.—2
- F7.1.7. Зачины повествовательные—4
- F7.1.9. Концовки повествовательные—23
- F7.2.1. Пословицы-поговорки —5387
- F7.2.3 Сравнение—12
- F7.2.5 Скороговорки—148
- F7.2.6. Считалки—28
- F7.2.7. Дразнилки—169
- F7.2.8. Устойчивые фразеологизмы—1331
- F7.3.0. Загадки—2398
- F7.3.1. Шутки—5
- F7.5.2. Ласкательные слова—132
- F7.5.3. Клички—2
- F7.5.5. Пародии чужих языков и говоров—4
- F7.7.1. Предметы с надписями—2
- F7.7.2. Предметы с символическими знаками—2
- F7.8.2. Книжность—2

F8. Проза

- F8.1. Мемораты (эрүйц) воспоминания о личных переживаниях—I (кол-во текстов)
- F8.1.4. Мемораты (эрүйц) о сверхъестественном—4
- F8.2. Предания (хроникаты, фабулаты, легенды)—42
- F8.2.1. Предания о природе—7
- F8.2.4. Предания о сверхъестественном—29
- F8.3. Басни (притчи, небылицы и кумулятивные—321
- F8.3.1. Басни об эргологии—8
- F8.4. Сказки—210

F9. Поэзия

- F9.1. Эпические песни—6 (кол-во текстов)
- F9.1.4. Эпические песни о сверхъестественном—2
- F9.2.1. Духовные песни о природе—4
- F7.2.5. Духовные песни (стереотип поведения)—6
- F9.3. Ашугские песни—78

- F9.3.2. Ашугские песни о человеке—2
 F9.3.3. Ашугские песни об обществе—1
 F9.3.4. Ашугские песни о сверхъестественном — 2
 F9.4. Айрен, антуни—14
 F9.5. Хатики (четверостишия)—1074
 F9.6.9. Песни об эргологии—2
 F9.6. Песни—186
 F9.6.2. Песни о человеке—6
 F9.6.5. Песни (стереотип поведения)—107
 F9.6.9. Детские и колыбельные песни—250

Итак, на 12 подразделов падает коллекция из 12074 текстов. Остальные разделы немногочисленны.

Многожанровость материалов фонда Навасардяна связана с его желанием охватить все жанры без отбора и собрать все то, «что осталось традиционного у народа до сих пор»² (см.: Нор-дар, 1890, № 143).

Из лирических произведений много четырехстиший. Причины различны: во-первых, легкость записи коротких произведений. Во-вторых, пословицы-поговорки, загадки, клятвы, благословения употребляются в любом случае. Но сказки, басни рассказывают в свободное от работы время, в специальных местах для сборищ, в длинные зимние ночи. Такие условия не всегда бывают.

Нельзя не учитывать также влияния собственных увлечений собирателей. Однако основной причиной большого количества записей определенных жанров является установка Т. Навасардяна на создание словаря арагатского диалекта и просьба к собирателям обращать внимание на конкретные жанры.

4.2. Ареал или топография. ТERRITORIАЛЬНОЕ размещение материалов имеет едва ли не главное значение для характеристики фольклорной коллекции. Следует отметить, что география оквата довольно широка. Если Г. Срванձենцу удалось собрать материалы только в Западной Армении, то заслуга Т. Навасардяна и его корреспондентов в том, что они добыли материалы от восточных армян, причем не упустили из виду и древние, «островные» колонии крымских армян—из Симферополя и других местностей. Самые ранние записи в коллекции Навасардяна происходят из Карабаха и Вана, что имеет особую культурно-историческую ценность. Географическое происхождение записей на глядко показано на картограмме № 2.

Уместно отметить, что генеральная опись хранилища фольклора ИАЭ АН Армянской ССР предусматривает картографирование любой информации. Картограммы должны служить одним из основных инструментов анализа явлений культуры. Каждый текст, т. е. каждая архивная единица, описана по постоянным географическим координатам, а не по преходящему административ-

ному делению. Как известно, земной шар подразделен географами по параллелям на пояса, которым придан буквенный индекс. Меридианы пересекают эти пояса, образуя большие трапеции, которым присвоен двузначный цифровой индекс. Таким образом, каждая трапеция может быть легко обозначена кодом из буквы и двух цифр. По АСЛ эта трапеция сперва делится на равные квадраты, размером 3×3 , которые обозначаются порядковыми номерами от 1 до 9. Таким образом, четвертым цифровым знаком уточняется квадрат в рамках трапеции. Каждый из образованных девяти квадратов подразделен на мелкие поля (4×4), которым присвоен двузначный порядковый номер: от 1—до 16. Таким образом, итого шестью знаками может быть закодировано любое место на карте. Минкополе образует площадь примерно 25×25 кв. м. Для городов, поскольку они являются сосредоточением населения из различных районов (что в социологическом отношении важно), как предусмотрено АСЛ, вместо последних трех цифровых знаков пометить буквенное сокращение (обычно из трех первых согласных) наименования города. В результате такого кодирования места записи можно быстро получить все имеющиеся в архиве записи определенного населенного пункта, а также составить картограмму для любого вида информации, по любому времени записи, от информаторов различных половозрастных групп и т. д. Вместе с тем возможно установить относительную и абсолютную интенсивность собирательской деятельности по карте. Это позволяет оценить специфику любой коллекции по сравнению с другой.

Этих предварительных замечаний должно быть достаточно для чтения прилагаемой картограммы всех материалов, собранных в 1860—1900 гг.

Полученные фольклорные данные по конкретным регионам позволяют восполнить сведения по истории науки.

Из данных картограмм выясняется, что в 1860—1900 гг. собирателями охвачено было 42 местности, из коих 6—крупные города, 12—местечки, 18—деревни и села. Однако больше всего внимания собирателями уде-

FB КАРТОГРАММА 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1860-1900 гг.)

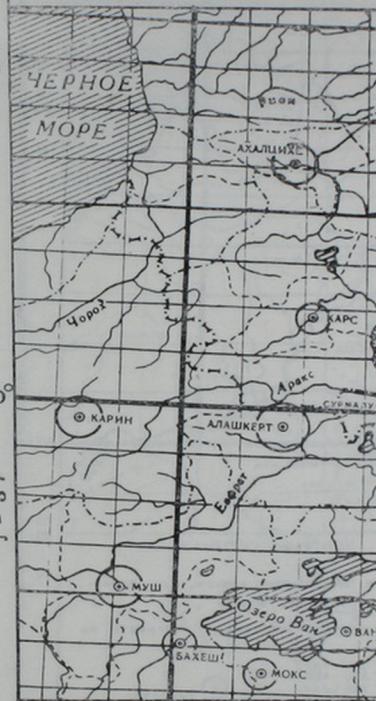
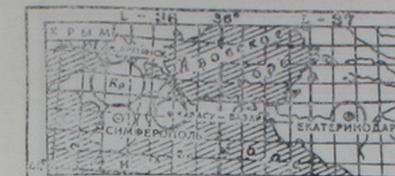
L - 38

48°

46°

K - 37

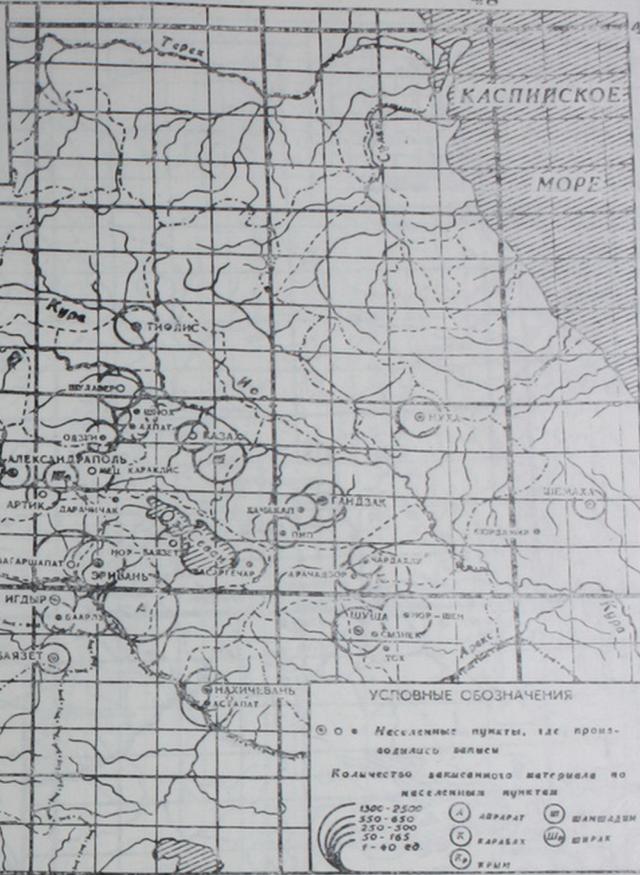
J - 37

42°

I - 38

39

УСЛОВНЫЕ СВОЗНАЧЕНИЯ

◎ • Неселенные пункты, где произошло вспоминание

Количество записанного материала по населенным пунктам

1300-2500	АВРАРАТ	ШАШДЗІДЗІ
330-650	БАХЕШ	ГІРІМ
230-400	ВАН	ІАРАБАХ
50-105	ІГДІР	ШІШІЛ
7-90	БАЯЗЕТ	МУШ

Карта составил Г. Г. САРКИСЯН

Рис. 6.

лялось деревням. Из картограмм выясняется также интенсивность работы собирателей в определенных местностях. Больше всего собрано материалов из Вагаршапата (Эчмиадзин), Еревана, Карабаха и Вана. Это явление обусловлено организационными и общественными обстоятельствами фольклористики, а не бытованием фольклора. Так, в Вагаршапате Т. Навасардян, а ранее, с 1870-х гг., в Ване Г. Срвандзянц собирали и организовывали на месте грамотных людей для сбора материалов по фольклору. Известную роль сыграла семинария Геворкян, ученики которой по советам своих учителей стали записывать фольклор от жителей Вагаршапата. Следует вспомнить и о деятельности

Баатэрьянов в Карабахе, в частности в Шуши, еще в 60-е гг., которые стали примером для многих собирателей. Итак, наличие армянской интеллигенции в этих местностях имело решающее значение для интенсивной работы по собиранию фольклорных материалов в регионах, населенных армянами.

Подготовлены картограммы по десятилетиям, благодаря чему выявилась диахроническая динамика в изучении отдельных районов. Картограммы 2, 1—2, 5 показали, что основными районами в записях Т. Навасардяна являются Карабах, Ван и Муш. Является ли это результатом бытования фольклора или следствием случайности? Интерес к фольклору в те времена носил обще-

(FB) КАРТОГРАММА 2.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1860-1870 гг.)

L - 38

48°

44°

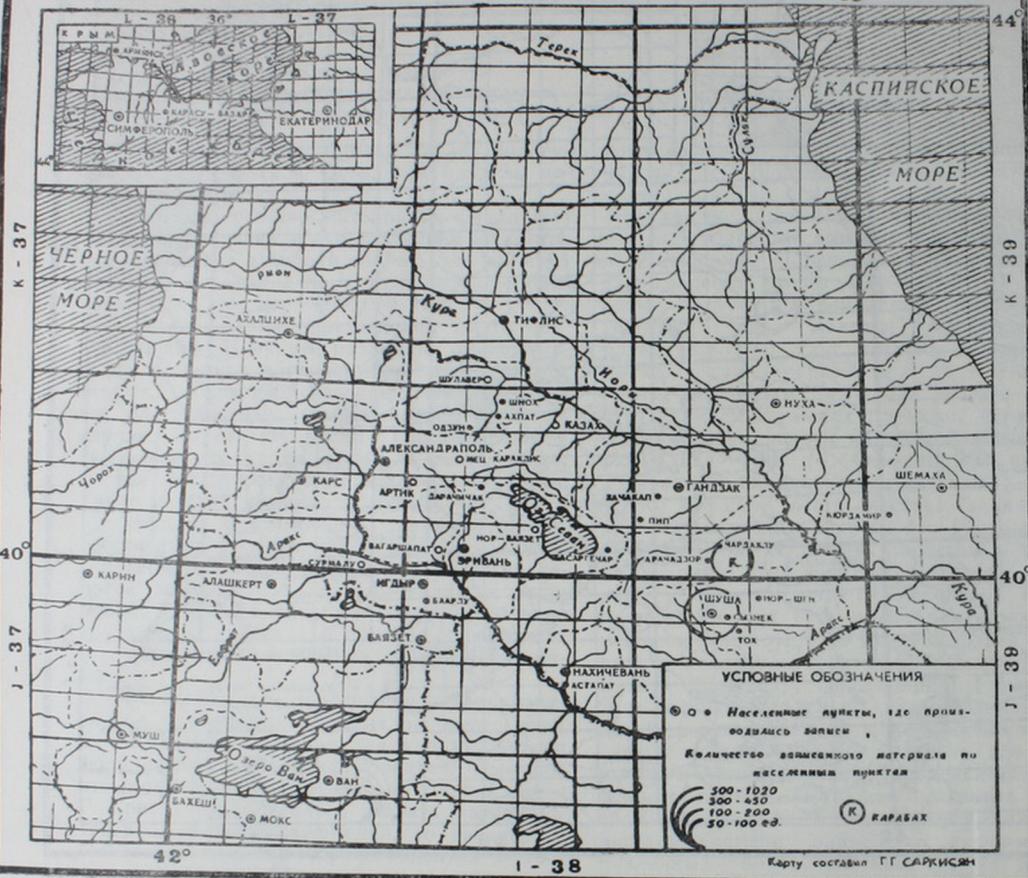

Рис. 7.

национальный, а не региональный характер. В указанных местах жили собиратели, проявлявшие к делу большой интерес. В коллекции 1860—1870-х гг. представлены в основном материалы из Карабаха, собранные тремя собирателями—Александром, Григором и Аракелом Баатэрянами. Спустя десятилетие собраны уже материалы из 20 местностей, что, вероятно, связано с распространением народно-освободительного движения, пробуждением национального самосознания. Показатели двух картограмм, представляющих 1870—1880 и 1880—1890 гг., по числу местностей, где собран материал, почти одинаковы—всего 21 местность. Известно, что мате-

риалы 1870—1880 гг. собраны без вмешательства Т. Навасардяна. После призыва Навасардяна в 1882 г. готовые рукописные сборники были представлены ему. Вероятно, призыв Навасардяна способствовал продолжению записи материалов в прежних местностях. Однако некоторые местности, зафиксированные на первой картограмме, отсутствуют во второй; вместе с тем появляются новые места сбиения. Таким образом, с течением времени менялся и ареал собирательства, и интерес к фольклору, который то затухал, то вновь разгорался.

4.3. Хронология. Распределение материалов во времени характеризует только дина-

Картограмма 2.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1871-1880 гг.)

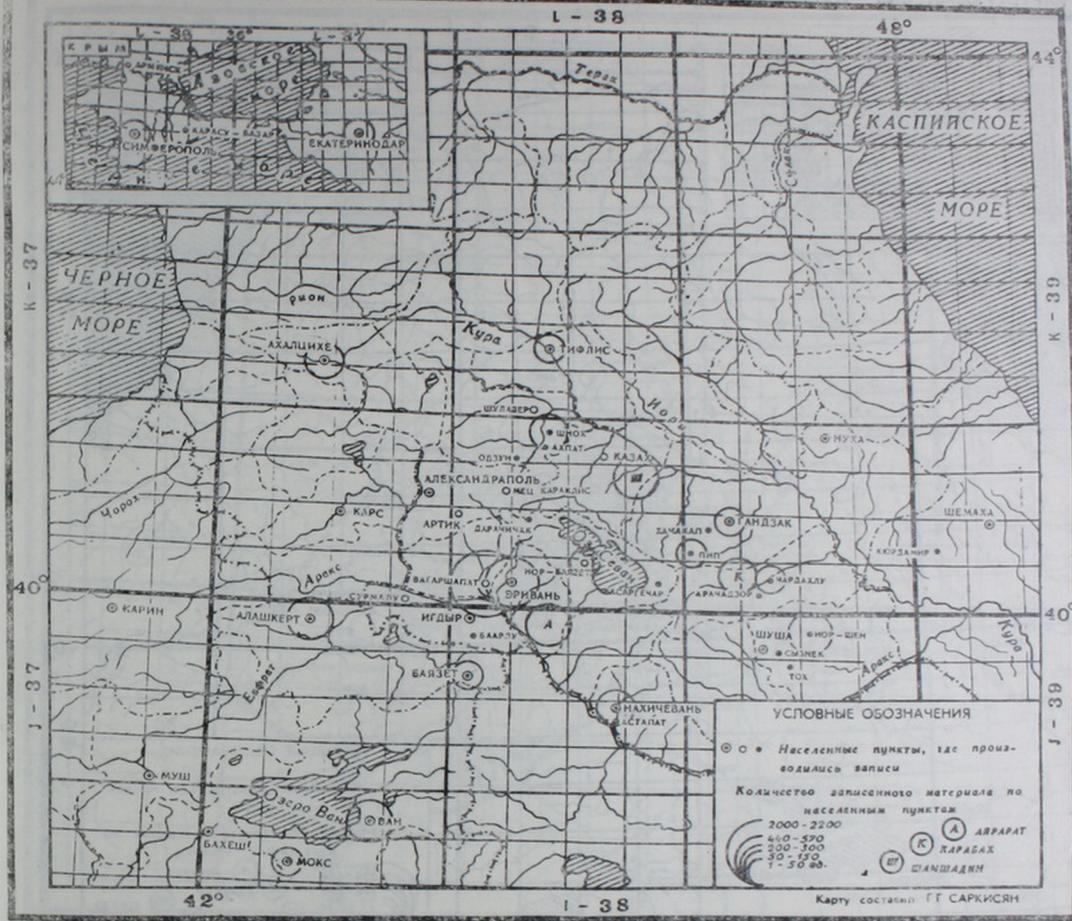

Рис. 8.

мике деятельности собирателей. Мы можем описать поступление материалов двумя путями.

Во-первых, можно изобразить хронологию записей в виде кривой (см. хронограмма № 1), где по вертикали помечено число текстов («единиц»), а по горизонтали—годы записей. Эта кривая покажет пики и спады за период формирования коллекций и может быть истолкована как результат взаимодействия субъективных и объективных факторов. Например, нетрудно проследить, когда ослабла деятельность Навасардяна, и найти причину (отъезд, болезнь и т. п.). Можно установить, а затем и объяснить общие тенденции, характерные для собирательской деятельности. Сам Навасардян уче-

та не вел. Наш анализ восполняет существующий пробел.

Во-вторых, можно увязать динамику собирательской деятельности с содержанием (например, с подразделами содержания записей) и уточнить отношение собирателей к конкретным видам фольклора за определенные годы. Здесь, конечно, оказывается общественный интерес к отдельным видам словесности. Корреляционная таблица выявляет некоторые закономерности и взаимосвязь между временем записи и содержанием (согласно кодификатору). Такие корреляционные таблицы, где по вертикали помечены годы, а по горизонтали—отдельные подразделы фольклора, состоят из клеток, в которых

FB КАРТОГРАММА 2.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1881-1890 гг.)

I - 38

48°

44°

K - 37

40°

J - 37

42°

Карту составил Г. Г. САРКИСЯН

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ◎ • Населенные пункты, где производились записи
 - Количество записанного материала по населенным пунктам
1000-1500	Л	АЛАРАТ
600-1000	К	КАРАВАХ
200-300	Ш	ШИРАК
100-100	Кр	КРИМ
50-30	Шш	ШАШХАДАН

I - 38

К - 39

40°

J - 39

Рис. 9.

записывается число текстов. Если читать по горизонтали и составить итог, то для каждого отрезка времени (например, для десяти- или пятилетий) мы получим синхронию интересов и деятельности (результатов) собирателей. Но если мы будем рассматривать колонки по вертикали и подведем итог для каждого разряда словесности, то обнаружится особая динамика, диахрония, которая еще должна быть объяснена. Если перевести абсолютные числа в проценты, в отношении к совокупности материалов или же к совокупности отдельных отрезков времени, мы

получим очень выразительную картину, в которой находит выражение общественное отношение к фольклору.

С помощью такой методики, которая оправдала себя в работах, выполненных под руководством И. Г. Левина, в частности по фольклористике Таджикистана в диссертации М. Негматова, мы выявляем и устанавливаем точные факты, которые при их интерпретации могут оказаться существенными в культурно-историческом плане. Ценность этих фактов в их бесспорной точности и, во многих случаях, неожиданности. Но-

© КАРТОГРАММА 2.4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО ЗАПИСЕЙ (1891-1900 гг.)

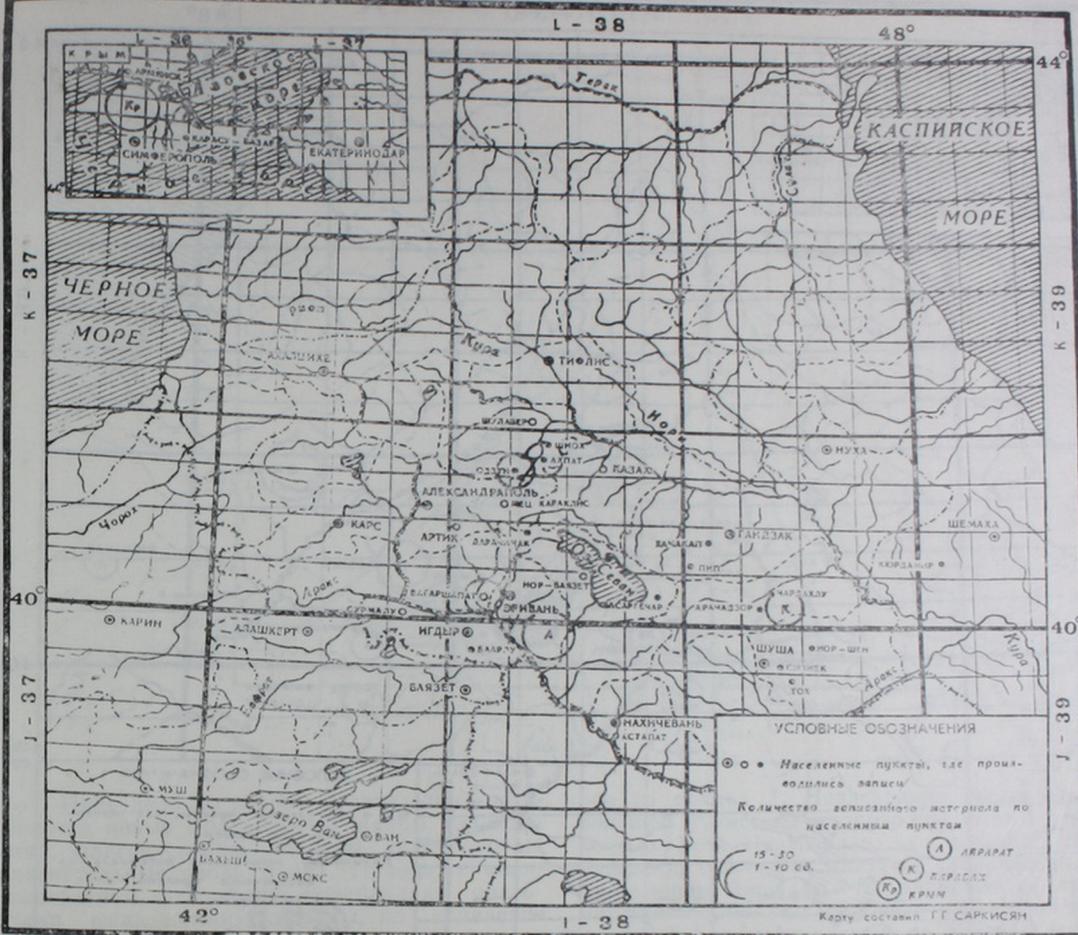

Рис. 10.

ые факты вынуждают нас искать объяснение, и в этом их несомненная польза.

Приведем общую хронограмму (№ 1) архива Т. Навасардяна за весь период его формирования. По кривой хронограммы получается следующая картина. В первом десятилетии (1860—1870 гг.) получена всего 701 единица от 4 собирателей—Аракела, Григора и Александра Баатэрянов из Карабаха и Давида Шакаряна из Вана, которые позже передали Навасардяну для печати готовые сборники. Во втором десятилетии (1870—1880 гг.) получено 1373 единицы. Интенсификация—результат «национального пробуждения», чьему в значительной мере способствовали Г. Срвандзянц и его сб-

ники. Срвандзянц стал примером для многих собирателей и, бесспорно, поэтому коллекция этого периода многогранна по жанрам. В 1880—1890 гг. количество собранного материала составляет 2754 единицы. Такого обилия мы не встретим ни до, ни после этого периода. Подобному притоку материала, начиная с 1882 года, несомненно, способствовали и призывы Т. Навасардяна собирать фольклор. В последующее десятилетие (1890—1900 гг.) наступает спад—получено всего 755 единиц. Этот факт имеет свое объяснение. В те годы издавались также крупные этнографические и фольклорные журналы и сборники. Появилось много ак-

Картограмма 2.5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧИСЛО НЕДАТИРОВАННЫХ ЗАПИСЕЙ

Л - 38

48°

К - 37

40°

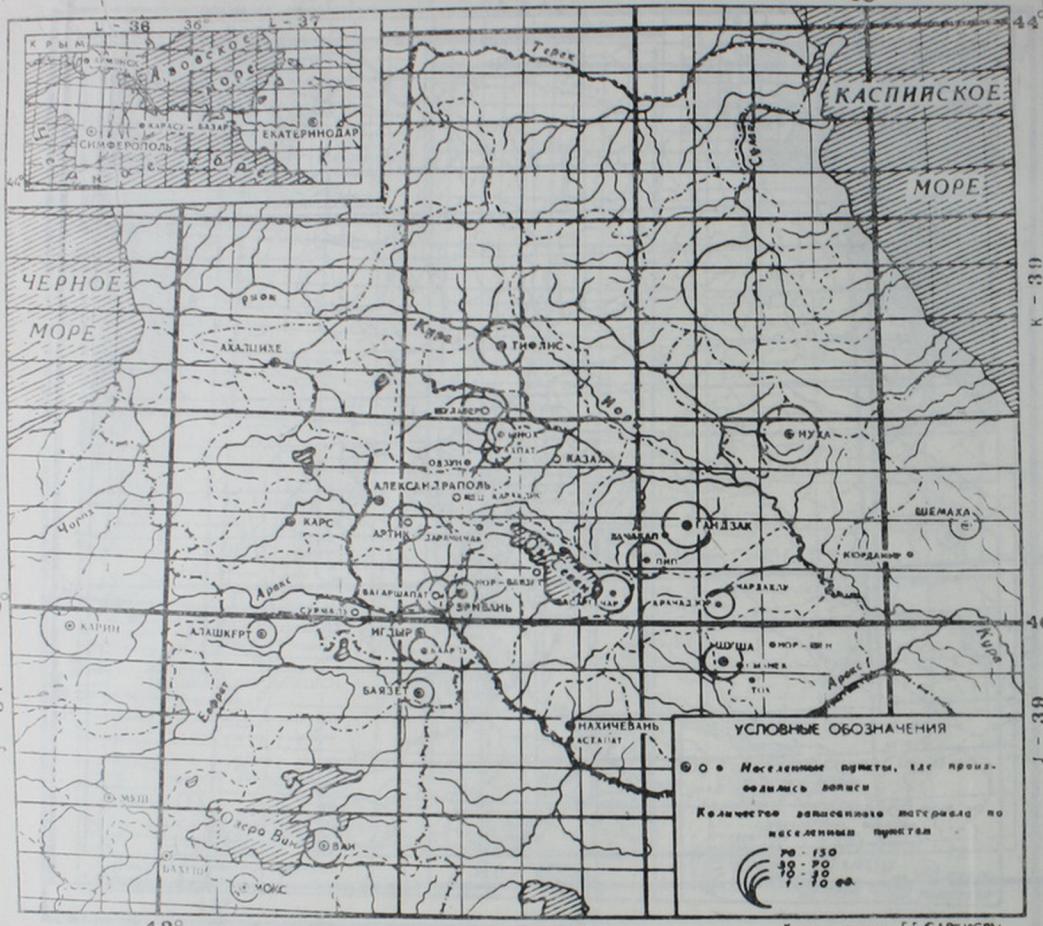
37

42°

К - 37

40°

39

Л - 38

Карта составлена ГГ САРКИСЯН

Рис. 11.

тивных издателей помимо Навасардяна. Этот «спад» в то же время следует считать успехом дела неутомимого собирателя, который уже перестал быть одиночкой.

Итак, количественный анализ, в данном случае кривая хронограммы, заставила нас искать причину. Она обнаружилась не в бытовании фольклора и не в общественном интересе, а в организационных обстоятельствах фольклористики. Отметим, что для каждого населенного пункта можно получить отдельную хронограмму, как, впрочем, для каждого года — свою особую картограмму. Определение места и времени записи — не-

пременное предварительное условие при изучении фольклора и использовании источников.

В хронограмме № 2 выявляется динамика собирательской деятельности по отдельным видам фольклора. Уже в первом десятилетии (1860—1870 гг.) отмечены сказки, пословицы, загадки, басни, четверостишия (хагиги). Возникает вопрос, почему именно эти жанры? Выясняется, что в эти годы в периодической печати и в отдельных опубликованных сборниках придерживались такого жанрового канона, освященного старинной литературной традицией.

ХРОНОГРАММА № 1

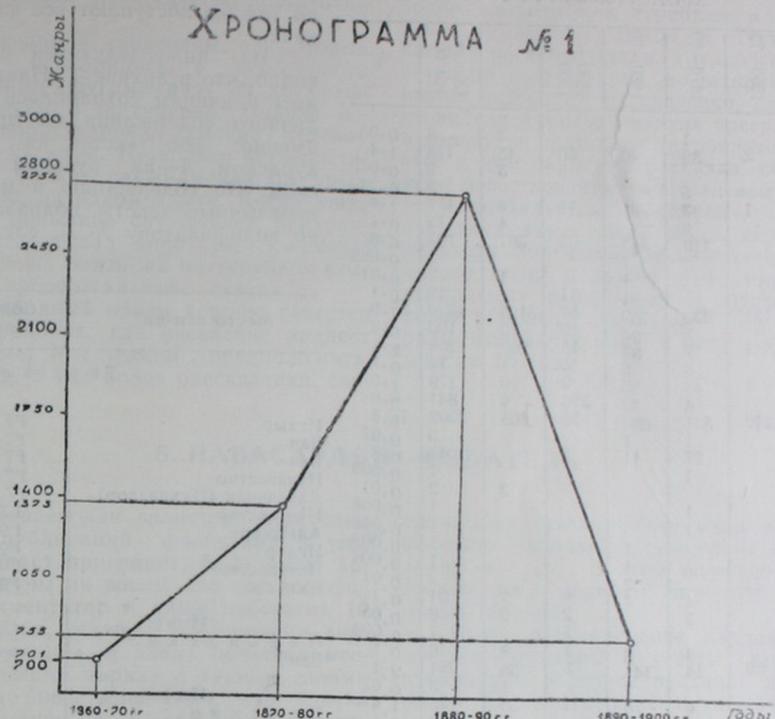

Рис. 12.

Иное дело во втором десятилетии—появляются новые фольклорные жанры (пожелания, благословения, молитвы, скороговорки, ласкательные слова и пр.). Правда, в количественном отношении преобладают опять-таки вышеупомянутые виды, но появление новых жанров показывает, что они попали уже в поле зрения собирателей. Из истории армянской фольклористики мы знаем, что Г. Срванцянц своими опубликованными сборниками, в частности «Гроц-брю», обратил внимание собирателей именно на эти жанры, которые до этого недооценивались ими.

В третьем (1880—1890) и четвертом (1890—1900) десятилетиях наблюдаются дальнейшие тенденции к расширению жанрового фольклорного канона. Напомним, что этому способствовали и призывы Т. Навасардяна.

Таким образом, интерес к фольклорным жанрам меняется и во времени. Причина кроется опять же не в фольклоре, а в фольклористике, в расширении понимания словесности.

4.4. Язык. Язык сохранившихся материа-

лов из архива Т. Навасардяна отличается большой культурно-исторической выразительностью. Хотя Навасардян, как и вообще собиратели той поры, считал национальным фольклором лишь то, что записано на армянском языке, тем не менее корреспонденты его брали материалы и на других языках. Очевидно, записанное они считали тоже армянским в определенном смысле. Едва ли сотрудники Навасардяна намеревались записывать фольклор других народов. Это плохо увязывается с их целью «спасти от забвения» национальное наследие. Ведь даже в наше время собирательская деятельность, да и гуманитарная наука в целом еще носят не региональный, а «этнический», «национальный» характер. Каждый собиратель считает себя компетентным записывать лишь на своем родном языке и заниматься фольклором обычно своего народа. Тем более такова была установка во времена Навасардяна, когда занятие фольклором имело национально-мировоззренческую подоплеку. По всей вероятности, иные из корреспондентов Навасардяна считали необходимым записи

ХРОНОГРАММА № 2

	1860—70	1870—80	1880—90	1890— 1900	X	Общее кол-во	%
7.0.1.		1			3	4	0,03
7.0.2.	4	39	40	50	45	178	1,4
7.0.3.			1	5	3	9	0,07
7.1.1.		5				5	0,04
7.1.3.	1	3	81	14	78	177	1,4
7.1.4.		8			4	12	0,1
7.1.5.	110	227	95	361		793	6,6
7.1.6.		1				1	0,008
7.1.7.			1		1	2	0,01
7.1.9.		1	11			12	0,1
7.2.1.	121	433	789	52	3125	4520	37,9
7.2.3.		1	25	10	70	106	0,8
7.2.5.	1	7	33	15	202	258	2,1
7.2.6.	3	5	5	1	14	14	0,1
7.2.7.	7	45	35	2	90	179	1,5
7.2.8.		4	32	296	9	341	2,8
7.3.0.	249	537	686	25	805	2302	19,3
7.3.1.	1	1				2	0,01
7.5.2.	27	11	3		41		0,3
7.5.3.	1					1	0,008
7.5.5.					2	2	0,01
7.7.1.	1					1	0,008
7.7.2.	1					1	0,008
7.8.2.		1				1	0,008
8.1.		1				1	0,008
8.1.4.		2				2	0,01
8.2.	1	7	6	7	21		0,1
8.2.1.		2		2	6		0,05
8.2.2.			1		1		0,008
8.2.4.	4	3	1	8	16		0,1
8.3.	39	14	144	8	56	261	2,1
8.3.1.		2		1	3		0,02
8.4.	32	4	70	11	53	170	1,4
9.0.		14				14	0,1
9.1.					2	2	0,01
9.1.4.		1				1	0,008
9.1.7.		1			2	3	0,02
9.2.	1				3	4	0,03
9.2.1.		1			1	2	0,01
9.2.5.					3	3	0,02
9.3.		57			1	58	0,4
9.3.2.		1				1	0,008
9.3.3.					1	1	0,008
6.3.4.		3				3	0,02
9.4.		1			6	7	0,05
9.5.	232	73	342	28	1792	2467	20,7
9.5.4.					2	2	0,01
9.5.5.			39			39	0,3
9.6.0.			1			1	0,008
9.6.	10	27	53	26	70	186	1,5
9.6.2.			1			1	0,008
9.6.5.	5	19	41	89	107	260	0,04
9.6.9.	701	1373	2754	755	7122	12705	2,1
5.5	10,8	21,6	5,9	56,0		100,0	100,0

вать имеющиеся на других языках тексты местного обихода в силу их «армянских» истоков. С нашей точки зрения, это, при всех обстоятельствах, похвально, хотя современная наука давно освободилась от переоценки роли «происхождения» информатора — национального или этнического. В полевых условиях армянским фольклором считается сло-весность на армянском языке, даже когда генетическое происхождение записанного текста

несомненно ведет к соседнему народу. Точно так же поступают все фольклористы Кавказа.

Из нижеследующей сводной таблицы видно, что в архиве Т. Навасардяна по неясным причинам сохранилось 380 текстов различного содержания на других языках, а именно: 368 текстов на тюркском, 5 — на курдском, 4 — на русском и 1 — на персидском. По содержанию и месту записи эти иноязычные тексты подразделяются, согласно кодификатору АСЛ, следующим образом:

Таблица 6

Место записи	Содержание	Кол-во текстов
Т у р к с к и е		
Игдыр	F7.0.2	1
Ван	F7.1.6	1
Ван	F7.2.1	19
Неизвестно	F7.2.1	300
Дарачичак (Цахкадзор)	F7.2.5	1
Неизвестно	F7.3.0	30
Алашкерт	F9.3	1
Игдыр	F9.5	2
Неизвестно	F9.5	12
Ван	F9.6	1
Итого:		368
П е р с и д с к и е		
Ван	F7.2.1	1
Итого:		1
Р у с с к и е		
Екатеринодар	F7.2.6	4
Итого:		4
К у р д с к и е		
Ван	6.4.2	1
Ван	7.2.1	1
Неизвестно	7.2.1	3
Ван	7.5.5	1
Неизвестно	8.3	1
Итого:		7

Наличие нескольких языков не должно удивлять: исторически сложилось так, что армянский народ веками находился под персидским и турецким владычеством и господствующим «межэтническим» языком становились персидский или турецкий. Знаменательно, что в то время в Екатеринодаре уже были сделаны 4 записи по-русски. Остальные языки не зонируются: тексты на остальных трех языках встречаются, например, в записях из Вана. Иноязычный материал архива Навасардяна заслуживает внимания и в других отношениях.

В заключение обзора необходимо обратить внимание на то, что многие материалы записывались для составления диалектных словарей. Достоверности записей и языко-

вой стороне в целом было уделено достаточно внимания.

По имеющимся сведениям, некоторые произведения исполнялись, в особенности профессионалами-ашугами сразу на двух языках: по-армянски и по-турецки. Подчас исполнитель демонстрировал умение переводить с языка на язык. Несколько четырехсторонний на двух языках служили как бы увертюрой к сказке на одном языке. Когда ашуг замечал, что внимание слушателей притупилось, он рассказывал короткую смешную басню (возможно, опять же на турецком языке) и вновь продолжал свою сказку.³

Такой свободный прием хорошо известен и в других районах, где население владеет двумя языками. Мы можем предположить, что слушатели, а тем более рассказчики, сво-

бодно владели как турецким и персидским, так и армянским языком, и отчуждения слушатели не испытывали. Трудно сказать относительно всех жанров, но, например, в отношении сказок ни рассказчики, ни слушатели не видели в языке никаких преград, и им было в голову не пришло, что собиратели, пришедшие к ним записывать сказки, серьезно считают повествования на армянском языке «чисто национальным наследием». Кстати, такие двуязычные зоны очень способствовали переходу фольклора от народа к народу, из одного языка в другой и формированию региональных репертуаров, образованию морской общности культуры, в чем армяне сыграли известную роль в силу расселения по многим странам.

5. НАВАСАРДЯН—ИЗДАТЕЛЬ

Тигран Навасардян является издателем 12 крупных публикаций фольклора и уже этим заслуживает признания. В историю армянской культуры он вошел как составитель, издатель, комментатор и даже наборщик 10 сборников сказок, ставших подлинными «народными книжками», и занял почетное место в сказковедении наряду с такими своими известными предшественниками, как братья Гримм в Германии, А. Афанасьев в России.

Учитывая то, что Т. Навасардян был не только издателем, но и составителем, организатором и собирателем материала, следует ожидать, что в изданиях фольклорных материалов выявятся также его научные взгляды. К сожалению, Навасардян не оставил ни программных, ни методических работ и его научные позиции пришлось извлекать из всей деятельности в области фольклора, в частности из издательской деятельности. Кроме того, наш обзор преследует также источниковедческую цель. Она заключается в выяснении текстологических особенностей тех 10 томов сказок, которые служили до недавнего времени основным источником для получения достоверных сказочных текстов армянского репертуара. От содержания этих книжек зависело и представление об армянских сказках.

Эдиционные принципы Т. Навасардяна представляют научно-исторический интерес именно сейчас, когда в советской фольклористике обсуждается вопрос составления сводов.

Армянскую народную словесность стали публиковать в фольклористических целях еще в середине XIX в. Зачинщиком оказался, по-видимому, журнал «Базмавеп», издававшийся в Венеции. В 1843 г. там появляется

анонимная статья, обратившая внимание на ценность народной словесности (песен, преданий и т. д.). В этом журнале затем публиковались образцы народной поэзии и прозы (басни).

После присоединения Кавказа к России местные журналы и газеты приступают к публикации образцов преданий и сказок народов Кавказа в русском переводе. Среди этих материалов попадаются и тексты, записанные от армян. Однако достоверность этих текстов сомнительна. В послесловии к сборнику кавказских сказок на немецком языке (1978) И. Левин описывает процесс накопления и издания кавказских фольклорных материалов, указывая при этом на роль литературных вкусов учеников школ, которые и были основными «поставщиками» текстов для публикации в различных сборниках. Следует отметить, что изложения армянского фольклора на русском языке действительно отличаются вольностью переводов и стилизацией. Более достоверны материалы, опубликованные в армянских периодических изданиях: «Астхик аревелян», «Мегу Айастани» (1859), «Крунк» (1860), «Арцруни Веспурakan» (1861) и т. д. Примечательно, что армянские журналы, в отличие от русских, отдавали предпочтение именно поэзии. Это понятно, так как передача любых видов народной словесности, кроме сказок и преданий, представляет для переводчика большие трудности.

Систематическое издание полевых записей, преимущественно прозы, на армянском языке было начато именно Т. Навасардяном. Хотя во многих отношениях Срвандзян может заслуженно считаться предшественником и даже пионером в издании армян-

ских сказок, однако он не публиковал полевых записей и выступал как стилизатор. Навасардян же (может быть, невольно—он не был литератором) поднял издание сказок на более высокую ступень, выполнив ряд научных требований. Главное из них—печатать «сырые», что было и легче сделать.

Следует отметить, что недостаточная научная подготовка Навасардяна как в литературоведческом (фольклористики как науки еще не было), так и в лингвистическом плане обернулась для его изданий большим достоинством. В отличие от знаменитых изда-телей сказок (братьев Гримм, А. Афанасьева и др.) Тигран Навасардян избежал соблазна «исправления», стилизации «сводных» текстов и т. п. Добросовестность и сознание ответственности за начатое дело компенсировали исходную некомпетентность и дали возможность собирателю учиться на собственном опыте, опираясь на материалы, а не на абстрактные теории. Он даже не давал научных предисловий своим книжкам, видя свою задачу в публикации материала для будущих исследователей. Навасардян писал:

«Մի ազգի հնագույն ժամանակներից մնացած մի ավելի, մի արձանագույնը լուսական սպառաւ նման հնության հետքեր կրող առարկաներ կենանի վկա են նույն ազգի փառավոր կամ անշուր անցյալի, որոնց վրա պետք է հնագույններ հմաննեն իրենց փատական հետազոտությունները՝ այդ ազգի անցյալ կանքի հետ ծանոթանալու համար Սակայն բացի դրանից, ոչ պակաս հնագույնական նյութ են և մի ազգի՝ ժողովրդային, այսպես ասած՝ խոսուն հնությունները, որոնք իրեն նորա մտքի և երեկայակության ծնողներ, նորա անցյալ կանքի, լուսավոր զարդարման կենանի պատկերն են՝ արտացոլում իրենց մեջ: Այդ հնությունները՝ ժողովրդային բանավոր վկաներն են, ազգային հման երգերը, առանձները, հնանելուկները, շոտասելուկները, անհեծները, օրնությունները և այլն, որոնք, իրեն, սրբազն ժամանելուն՝ դարերից հետէ, բերանէ բերան հասել են մինչև մեր օրերը: Մեր՝ հայերիս մեջ, ցանքու սրա, պետք է սաել, նորա գեղեց մեր ամսիկ գասի սեփականությունն են և որոնք հետարգնենք զո՞ւ են զանում ժամանակի անդամ ժանիքներին: Ահա այդ աշքի առաջ ունենալով, այս մի քանի տարի շարունակ, իմ թուզ ուժերը նվիրել եմ և այսուհետև էլ նվիրելու եմ այդ նպատակին ծառայելու:

Հայ ժողովրդային մեջ ցիր ու ցան եղած այդ վեպերը, ավանդությունները ժողովրդով և տպագրությամբ ի լուս թնաքելով՝ իմ միակ նպատակը ոչ այլ թաշ է, եթե ոչ—հում նյութ առաջարկել հնագույններին և բանասերներին՝ թողնելով նոցա թնության և հետազոտության: («Развалина, надпись, монета, оставшиеся от древнейших времен какого-нибудь народа, и другие предметы, несущие на себе подобные следы древности, являются живыми свидетельствами

яркого или ничем не примечательного прошлого этого народа, на что должны опираться археологи в своих научных изысканиях, чтобы познакомиться с прошлым этого народа. Археологическим материалом является и древнейшая словесность народа—плоды его мысли и воображения, его прошлой жизни, олицетворяющие собой живую картину идеиного развития. Эти древности—народный эпос, сказки, древние национальные песни, басни, загадки, скороговорки, благословения и т. д., которые как святое наследие, через века, из уст в уста дошли до наших дней. К сожалению, надо сказать, что среди армян они пока принадлежат крестьянскому сословию и постепенно становятся жертвой кликов времени... Свои слабые силы я и впредь буду посвящать служению этой цели.

Собирая и выпуская в свет эти сказания и предания, разбросанные по всему армянскому народу, я ставлю своей единственной целью не что иное, как предложить археологам и филологам сырой материал—для дальнейшего изучения и исследования»¹.

Своей целеустремленностью Тигран Навасардян выгодно отличается от многих своих современников—дилетантов, в том числе и кавказских, которые были весьма щедры на популяризации порою чуждых теорий, перенесенных на родную почву. Любопытно, что Навасардян в первой книжке, хотя и выражает благодарность за ценные советы имеющим литераторам (Паласаняну, Тер-Александряну, Прошяну), однако предпочитает действовать вполне самостоятельно—сам пишет предисловия или введение к своим изданиям, не обращаясь ни к кому.

О планах Навасардяна в деле издания сказок мы узнаем не из книги, а из рукописного наброска, сохранившегося в его архиве: «Հայ հասարակայնությանը ներկայացնելով առաջին փետրարի հարկ եմ համարում ասել մի բանի խորք ջնայած իմ ժողովածուն հարուստ է ավանդություններով, որոնք տարիներ շարունակ հավաքել եմ քաղաքաներից ու գյուղերից, սակայն, և հատորում զետեղել եմ միայն հերթափաներ (Արքարատյան բարբառ): Կհրատարակին ևս մի բանի նման հատորներ, որոնք կպարունակեն միայն հերթափաներ և որոնք կծառայեն իրեն ընթերցանության գրերը ինչ վեպերում է ամփանություններին, ալիսինքն առանձներ, հանելուկներ, դրանք լուս կնծային առանձին հատորներով» («Представляя армянской общественности первую книгу, считаю необходимым сказать несколько слов. Несмотря на то, что мой сборник богат народными преданиями, которые на протяжении многих лет я лично собирая в городах и селах, в томе помещены только сказки на Арагатском диалекте. Будут напечатаны еще несколько подобных томов, содержащих лишь сказки, которые мо-

гут быть полезны как книги для чтения. Что касается преданий, т. е. пословиц, загадок, то они выйдут в свет отдельными томами².

Таким образом, с самого начала Т. Навасардян готовил к изданию серию сборников, которые должны быть оценены в их совокупности. В сущности, он предпринял издание свода армянского фольклора. Навасардян намерен был публиковать материал по видам словесности, а не по регионам, как это может показаться. Возникает вопрос: на кого был рассчитан такой свод? Ведь подобное издание требовало немалых средств, так что о будущих читателях и о сбыте книг следовало бы подумать заранее. Тем более, что Навасардяна трудно было отнести к состоятельным людям и постоянных меценатов он почти не имел. Из предисловия к книге видно, что Навасардян рассчитывал на будущих ученых. Его учителя могли, конечно, укрепить в нем эту надежду, однако таких ученых было очень мало. Образованных любителей народной словесности также было немного, а некоторые из них сами старались собрать и издать фольклор. Духовенство и учителя, семинаристы ценили, читали и, вероятно, покупали книги, но едва ли они относились серьезно к народной словесности—Навасардян не мог рассчитывать на них как на основных покупателей.

В этих условиях, совершенно непохожих на те, в которых публиковали свои сказки братья Гримм или Афанасьев, издания Навасардяна были адресованы самому народу. В этом объективная суть издательской деятельности собирателя. Это очень важное обстоятельство. «Народные книжки»—это фактор не только и не столько фольклористический, сколько литературный и социологический. Достаточно вспомнить то, как понимал Ф. Энгельс роль «народной книги», чтобы в новом свете увидеть значение предприятия Навасардяна. Издания Гёрреса в Германии, о которых писал Энгельс, вполне сопоставимы с теми книжками, которые издал Навасардян. Здесь рассказы, записанные от народа, вновь вернулись к народу, но уже в виде книги, литературы, как знакомый и занимательный материал для чтения. Это была цель бр. Гримм, которые стали образцом для многих. Можно не сомневаться в том, какое воздействие подобные книжки имели на сельских читателей, приученных с детства уважать книгу. Здесь они впервые увидели и прочли на понятном языке нечто хорошо знакомое, свое. Благодаря доступности языка и содержания подобные книжки приучали к чтению и укрепляли самосознание простых читателей. Подобных книг, за исключением «Ран Армении» Абовяна, было не так уже много, чтобы пренебречь их культурным значением. Как бы ни был важен для нас научный аспект

предприятия Навасардяна, гораздо важнее культурно-исторический и социальный аспекты с точки зрения тогдашних читателей.

Навасардян совершенно справедливо надеялся, что опубликованные сказки на диалекте «могут послужить интересным материалом для чтения».

Где печатались народные книжки Навасардяна? Как они распространялись в народе? Оправдывались ли расходы и приносили ли они доход издателю? Все эти вопросы немалого культурно-исторического и книговедческого значения. Тигран Навасардян приходилось прибегать к услугам известных типографий. Так, первая книга «Армянских народных сказок» печаталась в Эчмиадзине, в типографии католикосата, с разрешения самого католикоса Геворка IV. В этой типографии печатались ежемесячник «Аарат», «Судебники» Мхитара Гоша и другие книги, а также учебники армянского языка. Вторая книга армянских сказок была издана в Ереване, в типографии Эмина Тер-Григоряна. В 1879 г. в этой типографии, в частности, вышла в свет первая газета, изданная в Ереване,—«Псак». Печатались сказки и в известной типографии Мовсеса Варданяна в Тифлисе—здесь вышли в свет III, V, VII и X тома «Армянских народных сказок». Типография печатала помимо книг ежемесячники «Горц» и «Варжаран». VI том сказок также вышел в свет в Тифлисе, в типографии М. Ротинянца, основанной в 1870 г. А. Эмфиаджяном и Г. Мелкумяном. Здесь были изданы, в частности, ежемесячник «Крунк айоц ашхари», газеты «Мегу Айастани», «Порц», «Мурч». IX книга издается в Тифлисе в типографии К. Мартиросянца, основанной в 1870-х гг. Отсюда вышли в свет многочисленные учебники и ряд газет («Мшак», «Манкаваржакан терт», «Ардзаган»).

Т. Навасардян печатал свои книги в чужих типографиях, однако его смело можно назвать издателем. Он лично набирал свои книжки в типографии, что не только удешевляло их стоимости, но и вообще делало возможным выход в свет. Известно, что Навасардян впоследствии приобрел в Швейцарии профессию типографа. Кроме того, из некоторых объявлений видно, что он сам являлся продавцом и распространителем своих книг. Таким образом уточняется облик Навасардяна как издателя и освещается процесс выхода в свет «народных» книжек. А это имеет культурно-историческое значение.

Цена книг Т. Навасардяна была доступной,—это стимулировало их сбыт. Однако издатель видел в сбыте книги культурную миссию, а не источник личной прибыли. На обложке первого тома сказок мы читаем, что доход от книги предназначается «в пользу бедных армянских студентов университета».

Таблица 7

Это было весьма благородным начинанием Навасардяна.

Безусловно, следует признать, что издание десяти томов фольклора любителем-одиночкой было делом необычным, и такое предприятие требовало организаторского таланта и настойчивости. Постепенно издание народных книжек приняло характер периодики. Во-первых, на серию была открыта предварительная подписка. Едва ли это означало, что спрос был настолько велик, что интересующиеся должны были спешить обеспечить себе экземпляр,—скорее это был путь к получению средств. К сожалению, нам неизвестно число подписчиков, величина тиража и контингент читателей. Имеющиеся отрывочные и случайные сведения не дают оснований для обобщений. Во-вторых, периодичность издания характеризуется и подтверждается также тем, что Навасардян обращалась на страницах книжки к своим читателям с просьбой собирать и присыпать ему материалы. Стимулом должно было служить обнародование имен тех лиц, кто присыпал материалы и обещание высылки книжки в виде премии. Подобные приемы свойственны периодическим изданиям, которые таким образом организуют и сплачивают вокруг себя постоянный круг читателей.

В проспектах мы находим благодарность разным лицам, а также похвалу собирателям. Признания, например, добился в те годы молодой Манук Абегян (см. том VII).

Можно не сомневаться, что Т. Навасардян подготовил почву для последующих серийных и персидических изданий (например, Е. Лалаян).

Из данных табл. 7 выясняется, что в десяти выпущенных томах Навасардян опубликовал 2940 фольклорных и этнографических материалов, в том числе: 73 сказки, 207 загадок, 142 благословения, 34 клятвы, 17 скороговорок, 42 ласкательных слова, 1 326 пословиц и поговорок, 52 песни, 110 четверостиший (хагиков), 548 псевдонимов, 55 детских игр, 181 проклятие, 58 молитв, 20 «духов», 12 обычаяев. Отметим, что Т. Навасардян опубликовал материалы лишь 16 собирателей из общего числа 41. Неизвестными остались собиратели 793 текстов.

Обратимся к табл. 8 и 9.

Каких же научных принципов придерживался Т. Навасардян при издании своих сборников? Первую книгу «Армянских народных сказок» Навасардян посвящает своему бывшему учителю—Степаносу Паласяну—«с глубоким уважением». Это единственный сборник, который имеет предисловие, где автор сообщает о своих намерениях. Книга имеет всего лишь две подстрочные комментарии к первой сказке: «Այս հերթաբարձրութիւնները եմ երևանյան նահանգում, Վաղարշապատ գյուղում և զրբ բռն տեղական բարձրութիւնները».

Обратимся к содержанию изданий Навасардяна, для наглядности сведенных в таблицу:

№ тома	К-во стр.	Ко-во текстов	Содер- жание	К-во текстов этого содр.	Кем записаны или от кого получены тексты	
					по текстам	этого содр.
Арм. народ. сказ.						
I	64	7	F8.4	7	Навасардян	—
II	44	6	78.4	6	—	—
III			F7.1.3	45	Неизвестно	—
III			F7.2.1	517	—	—
III			F7.2.5	34	—	—
III			F7.3.0.	17	—	—
III			F7.5.2	169	—	—
III			F9.6.	16	—	—
III			F8.4.	4	—	—
III			F9.5	2	—	—
IV	III	8	F8.4	4	Ананян	—
V	80	11	F8.4	8	Неизвестно	—
V			F8.4	2	—	—
V			F8.4.	1	Матинян Григор	—
V			F8.4.	7	Матинян Амаяк	—
V			F8.4	1	Азатян	—
V			F8.4	4	Неизвестно	—
V			F8.4	1	Тэр-Ованисян Микаэл	—
V			F8.3	5	Абелян Манук	—
V			F9.6	22	Мурадян Погос	—
V			F9.5	38	—	—
V			F9.6	14	Ананян	—
V			F9.5	7	Абелян Манук	—
V			F5.3.4	35	Газадян Гаспар	—
V			F7.1.5	84	Тэр-Меликесекяն Сарикек	—
V			F7.1.5.	18	Неизвестно	—
VII	134	1010	7.1.4	12	—	—
VII			8.4	1	Абелян Манук	—
VII			6.4.2	20	Газадян Гаспар	—
VII			8.3	4	Матинян Григор	—
VII			8.4	2	Абелян Манук	—
VII			7.2.1	269	Мурадян Погос	—
VII			7.2.1	98	Навасардян Тигран	—
VII			7.2.1	92	Матинян Григор	—
VII			7.2.1	70	Тэр-Ованисян Микаэл	—
VII			7.2.1	156	—	—
VII			7.1.5	72	—	—
VII			7.1.5	7	Неизвестно	—
VII			7.1.3	33	Тэр-Ованисян Микаэл	—
VII			7.1.3	64	Матинян Григор	—
VII			7.2.1	79	Ананян	—
VII			7.5.2	26	Матинян Григор	—
VII			5.3.4	11	Газадян Гаспар	—
VII			7.1.4	6	Ерзянин Григор	—
VII			8.4	2	Неизвестно	—
VII			8.4	1	Газадян Гаспар	—
VII			8.4	5	Баатрян Аракел	—
VII			8.4	3	Умикян Закар	—
VII			9.5	68	Мурадян Матевос	—
VII			9.6	12	Матинян Григор	—
VII			7.1.4	35	—	—
VII			7.2.1	45	—	—
VII				15	—	—
VII			6.4.3	3	—	—
VII			7.3.0	38	—	—
VII			6.5.2	29	—	—
IX	95	IX	8.4	7	Навасардян Тигран	—
X	95	569	8.4	4	Баатрян Аракел	—
X			8.4	2	Неизвестно	—
X			8.4	2	Умикян Закар	—

Таблица 8

Указатель мест записи и количество опубликованных текстов для каждой книжки

№ тома	Место записи текста	Количество текстов
I	Вагаршапат—Ереван	7
II	Вагаршапат	6
1 кн. «Арм. нар. преданий»	Баязет	2
III	Вагаршапат	2
V	Ван	16
VI	Вагаршапат	2
	Крым	1
	Шиох (Лори)	7
	Баязет	1
	Вагаршапат	79
	Карабах	4
	Астапат	6
	Алашкерт	60
	Гандзак	3
VII	Каракилиса	84
	Ширак	18
	Астапат	287
	Вагаршапат	107
	Крым	159
	Алашкерт	98
	Карабах	271
	Ван	79
VIII	Ахпат	6
	Вагаршапат	3
	Карабах	5
	Крым	189
	Шамшадин	64
IX	Карасу-базар	3
X	Вагаршапат	7
	Карабах	4
	Карасу-базар	2
	Карабах	4
	Одзун	1
	Крым	9
	Ахпат	5

Таблица 9

Место записи	Кол-во текстов
Вагаршапат	163
Ван	88
Крым	352
Шиох	7
Карабах	169
Каракилиса	84
Астапат	295
Алашкерт	158
Ахпат	11
Карасу-базар	5
Шамшадин	68
Одзун	1
Ширак	16
Баязет	3

«*пн*», («Эти сказки я собрал в Ереванской губернии, в селе Вагаршапат и записал на сугубо местном диалекте»).

Верность местному диалекту есть главный принцип Г. Навасардяна. В конце каж-

дого из своих сборников, в объявлении, издатель отмечал: «Եղութ ուղարկող պարոնների խնդրով եմ, բոլոր ավանդությունները գրել բռն տեղային բարձրագույն և զնել ժողովածուների վերը, նոց մեջ պատահած ժողովրակների գվարիմաց բառերի բացարձությունները»: («Всех товарищай, приславших материал, прошу записывать предания на сугубо местном диалекте и приложить к сборникам объяснения непонятных слов, имеющихся в материале»).

Сама идея просить собирателей, а значит через них и рассказчиков, растолковать значение мало понятных слов была прогрессивна.

В другом примечании читаем: «Երեմն հերիաթները այսպիսի նախարարով են սկսվում: («Народным сказкам свойствен иногда следующий званий» ..):

Հերիաթ, հերիաթ, պապը ա, Պաշխաջ բուռակ տակրսա:

Вторая, вышедшая в свет в Ереване в 1882 г., имеет единственный комментарий—о месте записи: «Այս հերիաթները են նույնպես Կաղարշապատից են ժողովել և գրել բռն տեղական բարձրագույն»: («Эти сказки я собрал также из Вагаршапата и записал на местном диалекте»).

В конце первого выпуска «Армянских народных сказок» Навасардян сообщает: «Մամովի տակ է շուտով լուս կտեսնի «Հայ ժողովրակներ ավանդություններ» անոնվ գիրքը, որ բովանդակում է իր մեջ հանելուկներ, առածներ, շուտակելուկներ, անեֆներ, օրնություններ, երրումներ և այլ («Готова и скоро выйдет в свет книга под названием «Армянские народные предания», которая содержит загадки, пословицы, поговорки, проклятия, благословения, клятвы и т. д.»).

Т. Навасардян не подразумевал определенный жанр, имелся в виду традиционный фольклор, все то, что сохранилось в народе. Так, «предание» понималось западноевропейскими учеными. Степанос Паласянин тоже пользовался этим понятием. Приводя многочисленные образцы загадок, Навасардян указывает в примечании: «Ալեքսանդր ամեն հանելուկ ամելին ամպես. —էն ինչն աինչ... և ազն: Մենք ավելորդ համարեցինք յորաքանչյուր հանելուկի սկզբում այդ ձեր գործ զնել, որպեսզի ճանձրություն չպատճեննք բնիթեցդողներն»: («Загадку в основном начинают так: что это—то, чю... и т. д.; мы сочли ненужным повторять это начало для каждой загадки, чтобы не надоедать читателям»)⁴.

Каждая загадка имеет свой номер, разгадки даются в конце сборника.

Приводя образцы скороговорок, Навасардян отмечает: «Ծուռ ամելուկները մի քանի անգամ են կրկնում և այն արագ կերպով»: («Скороговорки повторяются много раз в быстром темпе»).

К некоторым текстам даются примечания о бытованиях. Например, по поводу «Свадебной песни» написано: «*Անոր Բայազենի նահանգի գյուղերին հարսանից հանդեսի ժամանակ, հարս ու փեսային այս երգով են դիմավորում: Երգին յուրաքանչյուր տան վերջը, հարսնաբույր ձայն է տախի. «Անորված շնորհավոր անէ»:* (В селах губернии Нор-Баязета, во время свадебного ритуала, встречают жениха и невесту этой песней. в конце каждого куплета песни «арсанкур» (сестра невесты) восклицает—«Да благословит бог»)⁶. Или же в примечании к песне «Царзардар» отмечается: «*Ճապարդարի օրը Կաղարշապան գյուղում երեխայի շրջում են աները այս երգը երգելով, մինչույն ժամանակ պատեցնում են «Ճողիք» ասված խաղաղը և ձու, յուղ, բրինձ ժողովում:* (В день Царзардара в селе Вагаршапат дети ходят по домам, распевая эту песню, одновременно крутият игрушку—«Чырек» и собирают яйца, масло, рис).

В третьей книге «Армянских народных сказок» (1884 г.) Содержатся материалы других собирателей, и Навасардян как издатель называет их имена например: «*Այս և հետապատճեն երկու երգեր հրատարակում ենք պ. Անանյանից ժողովածից»:* («Эти песни публикуют из коллекции Г. Ананянца»)⁷.

Таким образом, Т. Навасардян понимает свои функции как издательскую и посредническую.

С 1884 по 1885 гг., будучи в Женеве, Навасардян временно прервал издательскую деятельность. После возвращения, в 1888 г., он издает очередной, IV том «Армянских народных сказок». В нем нет никаких комментариев. В конце тома Навасардян обращается к собирателям: «*Մի քանի տարի բացականի երկու Տիգիսից, մենք առ ժամանակ դադարեցրել ենք մեր ժողովածուի հրատարակությունը: Ներկայ գիրքը ի լուս ընծանելով՝ յուր ունենք, որ մեր միջնադար կնքնեն, այսուհետեւ հրատարակել նաև սորո մյուս մասերը: Դիմում ենք հայ ուսուցիչներին և ընդհանրապես նոցա, որոնց հետաքրքրությունը է մեր ժողովրդի բանալոր գրականությունը, նրա քարագույն մշակությունը գործը, իմասում ենք, որ նորա շնորհանդեսի աշակեցությամբ նպաստել մեր հրատարակության, ուղարկելով մեզ հնույալ նյութերը—հերթիքներ, ժողովներ, շանգուցումներ, առաջներ, հանելուկներ, արագախոսություններ անեֆներ, օրնություններ, երուաներ, փաղաքական խոռներ, մանկական խաղներ և այլն»⁸: («Будучи несколько лет в отъезде из Тифлиса, мы на некоторое время приостановили издание нашего сборника. С выходом в свет этой новой книги надеемся, что наши средства позволят нам впредь периодически издавать также остальные части сборника. Обращаясь к армянским учителям, вообще к тем, кого интересует словесность нашего народа, его диалекты, я, уверен, что они не поленятся своей по-*

мощью способствовать нашей публикации, присылая нам следующие материалы: сказки, народные песни, четверостишия, пословицы, загадки, скороговорки, заклинания, благословения, ласкательные слова, детские игры и т. д.).

В V томе «Армянских народных сказок» (1889) Т. Навасардян вновь отмечает имя собирателя. К одной сказке он дает следующее примечание: «*Այս հերթաբար ուղարկել մեզ արք. Գ.ա. Մահմետյանը*»⁹. («Эту сказку дал нам ныне покойный священник Матинян»). О другой сказке Навасардян пишет: «*Սույն զբի մեզ հրատարակում ենք Պ. Հայակ Մաժինեանցից մեզ ուղարկաց յոթ հերթանքները, որ պարոն ժողովրդ է Ծնող գյուղում (կողու նահանգում) և գրել բռն տեղական բարրապի: Հրապարակելով մեր շնորհակալիքն ենք յայտնում պարոնին, որ լավ բարենելով հայ ժողովրդի բանավոր գրականության ուսումնասիրության կարևորությունը նպաստում է մեզ՝ մեր սկսած ձեռնարկության մեջ»: («В этой книге публикуюм присланые нам Амаяком Мажиняном следующие 7 сказок, которые он собрал в селе Шнох (Лори) и записал на сугубо местном диалекте. Приносим благодарность ему за осознание значения устной народной словесности и за помощь в начатой нами деятельности»)¹⁰.*

Надо сказать, что с начала своей деятельности Т. Навасардян понимал важность топографических указаний. Но в географическом понимании фольклора он еще не вышел за рамки господствовавшей тогда в немецком народоведении «племенной (этнической) теории культуры». Диалекты он считал сугубо территориальными, статичными и исконными, потому ему казалось вполне достаточным посредством сведений о диалекте дать определение места записи.

В VI томе «Армянских народных сказок» (1890 г.) Т. Навасардян отмечает данные о получении материалов.

В примечании мы читаем: «*Մեծ պ. Պողոցյանը մեզ հրատարակելու ժողովրդական երգեր և այլ ավանդություններ, որ Պողոս Մուրադյանը ժողովրդ է Ալաշկերտում»:* («Высокоочтимый П. Прошян передал нам для публикации народные песни и другие предания, которые Погос Мурадян собрал в Алашкерте»)¹¹.

В примечании к одной молитве отмечено: «*Այս աղօթքը ժողովրդի մեջ թուրքերն է սավում, թե ինչու պատճառը մեզ լը յաջողեց իմանալ: Դորակ կից զնում ենք նաև հայերէն թարգմանությունը»:* («Эта молитва в народе произносится по-турецки. Нам не удалось выяснить причину этого. К этой молитве прилагаем армянский перевод»)¹².

Издатель выдвигает здесь подлинно научную проблему, решение же ее—дело исследователей.

Из другого комментария выясняется, что Т. Навасардян, не придавая значения личности рассказчика, все же понимал значение вариантов фольклорных материалов: «*Մւ երգը երգում են Գանձակի նահանգի հաշակավ զյուղում*: Թեև Վաղարշապատում նույնը երգում է փոքր ինչ փոփոխված, որ մենք զնուեղել ենք սորանից առաջ, բայց ավելորդ չեմ համարեցինք զրապարակի և սոյն երգը որպես առանձին «ժողովրդի ժամանակ»»: («Эту песню поют в селе Хачакап, Гандзакской губернии. Хотя в Вагаршапате песня лишь несколько изменина. мы посчитали не лишним напечатать и эту песню, как идеиний продукт отдельного народа»¹³. Под словом «народ» он имел в виду не нацию или национальность вообще, а население данной провинции. Так как Навасардян считает народное творчество «собственностью крестьянского сословия», то под словом народ он имел в виду крестьян, простой народ. Это была концепция немецкого народоведения. Абегян пишет: «Народ в широком смысле слова обозначал нацию, национальность. Народ в узком смысле слова — простой народ, крестьянство»¹⁴.

В примечании к песне «Нурин» отмечается этнографическая деятельность: «Վաղարշապատում, երաշտ ժամանակ, մայունին տաշնից տուն են շրջում, երգելով այս երգը, որպես զի անձրև գույք: Գյուղացիներին վկանի չոր են պծով և նրա բաժինը տափն յուզ, բրինձ և այլն: (В Вагаршапате во время засухи дети бродят по домам, распевая эту песню, чтобы шел дождь. Крестьяне наливают воду на голову Нурин и дают ее долю в виде риса, масла и т. д.)»¹⁵.

Начиная с этого тома, Навасардян обращается часто к этнографии. Печатаются детские игры, которые присыпал ему Гаспар Агазадян из Вагаршапата. Иногда сообщаются подробности об исполнении игр. По поводу одной самобытной игры («կինաժրութիւնի») Т. Навасардян отмечает: «Эту игру знают и в Карске», ее называют там «Юсаман Хуппа»¹⁶. Проведение подобных параллелей уже содержит этнографическую тенденцию. Отсюда следует, что издатель знал быт многих регионов. Это позволило сравнивать и выявлять вариативность.

В VII томе «Армянских народных сказок» (1891 г.) Т. Навасардян публикует материалы, записанные в Астапате Мануком Абегяном, под заглавием «Духи». Навасардян высоко оценивает молодого Абегяна как народоведа: такими словами: «Մեծ պ. Մանուկ Արեդյանի ժողովածուից սոյն Կտորը իրեն նմուշ զետեղելով մեր գրքում, պարտք ենք համարում զրապարակավ շնորհակալութիւն յայտնել պարունիք, որը պրանուի սկիզբն է զնուց հիւրանական նիւթիք ժողովելուն Ռուսահայաստանում, որ ցարդ ու թիֆ ուշադրութիւնը չի գրած: Հնութեան փոշիների մեջ անհետացող այլ

նյութերը թե մեծ լոյս կարող են սփռել մեր դիցարանութեան շատ խնդիրների վրա — որպան կասկած չեն Յանկալի է միայն, որ պ. Արեգանի գովելի օրինակին հետևեն մեր զավարական ուսուցիչները, որոնք աւելի բարելավող պայմանների մեջ են զանվում հայ ժողովրդի բանավար գրականութեան սուսանամիրության համար նիւթեր ժողովելու»: («Пометив в книге этот образец из сборника высокочтимого Манука Абегяна, считаем своим долгом публично поблагодарить этого господина, который положил начало собиранию мифологических материалов в Восточной Армении, на что до сих пор никто не обращал внимания. Нет сомнения, что эти теряющиеся в пыли древности материалы будут освещать многие вопросы нашей мифологии. Желательно, чтобы примеру г-на Абегяна последовали наши провинциальные учителя, которые находятся в более благоприятных условиях и могут собрать множество материалов для исследования устной народной литературы»).

В книге материалы сгруппированы по жанрам. Материалы, записанные из разных регионов, от разных собирателей, но близкие по сути, Т. Навасардян помещал рядом. Отсюда видно, что на основе вариантов исследователь подошел к пониманию типологии.

В VIII томе «Армянских народных сказок» (1894) публикуются сказки из сборника покойного учителя Аракела Баатэряна из Карабаха. Навасардян в комментариях отмечает это.

Определенным эдиционным новшеством была подача сведений об обрядах. Некоторые армянские праздники и связанные с ними обычай представлены следующим образом: описывается праздник и затем дается предание, которые дополняет, комментирует причины возникновения обычая.

В IX томе сказок (1902) наблюдается нововведение: под текстом сказок на арагатском диалекте отмечается имя рассказчицы. В 1903 г. выходит в свет последний, X том «Армянских народных сказок». И в этом выпуске в примечаниях указаны имена собирателей. В комментарии к сказке на карабахском диалекте Навасардян излагает сказку на арагатском диалекте. По мнению комментатора, это тождественные сказки. Так исследователь пришел к пониманию сущности тождества сказочных вариантов.

В конце книги дается список диалектов, встречающихся во всех десяти томах «Армянских народных сказок». Это сделано, видимо, для облегчения работы языковедов. В последнем сборнике сказок уже нет ни объявлений, ни адресов — надо полагать, возможности издателя серии иссякли. Тем не менее в 1908 г. Т. Навасардян готовил следующий, XI том сказок, однако книга не была напечатана

(рукопись ее находится в архиве фольклора ИАЭ АН АрмССР).

Конец XIX в. ознаменован целым рядом научных публикаций. В 1889 г. М. Абегян в Шуши (Караабах) публикует на мокском диалекте вариант героического эпоса «Сасна цер», записанный им еще в 1886 г. В 1892 г. печатается сборник фольклорных материалов Е. Лалаян под названием «Джаваххи бурмунк». Именно Лалаян и стал продолжателем дела Навасардяна, но уже на более прочной основе. Им в 1895 г. было положено начало изданию «Этнографического обозрения». В предисловии к первому выпуску Е. Лалаян излагает свою цель: «Армянский народ пробудился, наконец, от глубокого сна... он желает познать себя и изучить свое национальное становление. Наши дела—результат этого чувства и наша задача—принять этому делу научное направление и образовать союз сотрудников»¹⁸.

Журнал сплотил вокруг себя собирателей, многих армянских интеллигентов.

Под руководством Гр. Халатяна выходит в свет и «Эминский этнографический сборник».

Так наступила новая эра.

Тигран Навасардян своими сборниками сделал важное дело—он приучил довольно широкий круг молодой интеллигенции к чтению сборников народного творчества, воспитал в них вкус и уважение к национальному наследию, научил собирать фольклор и сплотил первых собирателей.

Так было положено начало документации культуры. Навасардяну удалось создать довольно широкую сеть корреспондентов и внедрить в сознание современников идеи общности армян, их наследия в целом. В этом огромная культурно-историческая, общественная роль деятельности Т. Навасардяна как издателя. Именно достигнутый им успех предопределил дальнейший рост народоведческой деятельности. Наступила смена масштабов, Навасардян отошел постепенно от собирательской деятельности, однако всегда вошел в историю армянской культуры и науки.

Чтобы получить представление о качестве опубликованных текстов и вместе с тем о

Навасардяне как о редакторе, мы хотели провести несколько текстологических проб, сравнив «полевые» записи, сохранившиеся в архиве, с этими же текстами уже в печатном виде, чтобы выявить характер правки и работы Навасардяна над текстом в целом. К сожалению, этого сделать не удалось. Опубликованные тексты не сохранились в рукописи. Рукопись Навасардяна в тетради отмечено: «Срезано для публикации». Таков был стиль работы в то время.

Исследуя экземпляры книг Навасардяна (которые представил Тер-Минасян), мы обнаружили в печатном тексте многочисленные исправления, корректурного характера. Так, например: «Թի րա ընենց» исправлено на «Բա որ ընենց», «Ընենց եղի վազ տալիս, որ “предстало как” «Ընենց եղի վազով ա, որ». В сказке «Ուկի ձուկը» («Золотая рыбка») текст «Էնքան սիրոն, էնքան նախշոն, պահեն հրեշտակ ըլներ, կողենալիր չուտես, չմմեն, նենց նրա գույշ-շամշալին՝ թամաշ անեն» исправлена «Էնքան սիրոն, էնքան նախշոն, որ թամաշ անելոց մարդ չէր կշտանա»:

Е. Тер-Минасян, в свое время, сообщил, что эти исправления принадлежат поэту Иоаннесу Иоаннисиану. Сравнивая почерк поэта и Навасардяна, нам представляется вполне вероятным, что исправления в тексте действительно сделаны рукой Иоаннисиана, который мог себе позволить больше «поэтических» вольностей. Это обстоятельство не только выгодно выделяет отношение самого Навасардяна к тексту, но и имеет значение для тех, кто будет продолжать работу над рукописями Навасардяна в фольклористических, а тем более в лингвистических и издательских целях. Бессспорно, языковая форма рукописного наследия Т. Навасардяна требует серьезного и критического текстологического подхода. Что же касается достоверности содержания записей, то она может определиться в процессе работы над научным сводом. Сравнительный анализ всех имеющихся вариантов (т. е. записей) данного произведения даст возможность выявить произвольные изменения, внесенные в текст собирателем или, что мало вероятно, издателем.

6. НАВАСАРДЯН—ЛЕКСИКОГРАФ

В истории армянской лексикографии первым напечатанным словарем считается «Армяно-латинский словарь», составленный в XVII в. каноником миланской церкви св. Фомы арменоведом Франческо Риволой. Хотя в библиотеках различных церквей были рукописные словари, Ривола счел целесообраз-

ным записать слова и фразы от живыхносителей армянского языка. Он собрал лексический материал от джугинских купцов-армян, дополнив словарь литературным материалом. Словарь Риволы содержал 11 000 слов.

В XVII в. из Рима, бывшего тогда цент-

ром арменоведения, прибыли в Армению миссионеры-унитаристы, которые кроме древнеармянского языка (грабара) изучили также живые диалекты.

Варданет Акоп опубликовал «Словарь армянского языка», в котором уделил большое место народной речи, вплоть до турецких заимствований. В 1711 г. составляет армяно-латинский словарь Оваким Шрёдер под названием «Клад армянского языка». По сравнению со словарем Риволы у Шрёдера меньше провинциализмов. Следует отметить, что обоих интересовало не столько собирание и сохранение армянской лексики, сколько распространение латинского языка среди армян. Эти издания не могли заменить необходимого толкового словаря для объяснения употребляемых в литературе непонятных народу слов.

Конгрегация мхитаристов, основанная в XVIII в., приложила немало стараний к очищению армянского языка от латинских слов. Основатель конгрегации Мхитар Себастаци издал «Словарь армянского языка», в котором большую часть лексики составляли, по его собственному выражению, «сельские простонародные слова».

В этот же период были составлены двухязычные армяно-турецкие словари. В 1794 г. в Нахичеване выходит в свет словарь Погоса Торосяна—«Тетрадь краткого словаря». Эта книга представляет собой сборник четырехсторонний, с помощью которых легко установить эквиваленты турецких слов в армянском языке. В этом своеобразном словаре-учебнике в основном употреблены народные слова.

В XIX в. грабар отошел в прошлое. Победил народный литературный язык—ашхабар. Его обогащение связывалось с диалектной лексикой. В связи с этим возрос интерес к изучению и собиранию народных слов, фраз и стиляй. Цель собирателей и лексикографов сводилась к использованию диалектов как источников обогащения развивающегося нового литературного языка. Раффи по этому поводу писал: «В языке народа, в большинстве случаев, можно найти те слова, которых не хватает в словарях, составленных из наших старых книг. Войди в крестьянскую хижину—вся домашняя утварь здесь имеет разные наименования. Иди к землемельцу, он перечислит наименования всех частей плуга и сохи.. Одним словом, в языке армянского крестьянина ты найдешь названия предметов окружающей его среды и услышишь его мнение о любом из них»¹.

Печать того времени нацеливала собирателей на лексикографию—«Эминский этнографический сборник», «Азагракан андес» содержат работы, посвященные диалекту. Г. Ачарян, Г. Шерени, Е. Лалаян, Г. Аматуни занимаются собиранием народных слов и вы-

ражений. Аветис Баатэрян из Шуши еще в 1860 г. составляет словарь 5000 провинциализмов. Рукопись этой работы использовал впоследствии Г. Ачарян при исследовании карабахского диалекта. В 1900 г. К.М. Шахназарян (Тмблачи Хечан) собрал и составил «Словарь карабахского языка», где особенно ценным является ботанический раздел. В то же время Г. Агаян составил словарь карабахского диалекта, включающий более 2000 слов (рукопись)².

Одна из программ Г. Халатяна была посвящена составлению «диалектных словарей». В письме Г. Ачаряна Халатяну читаем: «Եշմիածնում եղած ժամանակի, պատահեցած Ա. Հայկունու, որի առաջարկի ենք Կազմել Եշմիածնում հրատարակված հատորների հայ պատահական բարձրացնելով իր ժերթվությունը և ժամանակի պակասությունը, առաջարկեց ինձ վերցնել այն»: («Во время пребывания в Эчмиадзине встретил С. Айкуни, которому предложили составить словарь провинциализмов из томов, опубликованных здесь. Айкуни, сославшись на свою старость и нехватку времени, в свою очередь предложил мне взяться за эту работу»).

В этой обстановке Тигран Навасардян приступает к составлению словаря ааратского диалекта. Своими опубликованными фольклорными сборниками и объяснениями Навасардян фактически подготовил материалы для будущего словаря. В газетных объявлениях он отмечает значение собирания народных слов, стиляй и фраз.

В 1903 г. в Тифлисе выходит в свет «Словарь ааратского диалекта» Т. Навасардяна, который отразил, по утверждению автора, лексику лишь Вагаршапата (Эчмиадзина), а не всей Ааратской равнины. Словарь содержал 5 тысяч слов и фраз. Будучи коренным вагаршапатцем, тонко чувствуя родной язык, Навасардян в работе над словарем проявил незаурядные способности в понимании и воспроизведении народного языка. Смысл каждого слова он пояснял на примерах пословиц и поговорок, проклятий, благословений, ласкательных слов. В этом заключается фольклористическая ценность словаря. Например: աչք—глаз; աչքով տալ—сглазить; աչքի ընկնել—бросаться в глаза; աչք գուլ մի բան—понравиться глазу; —աչքին նշանակոթթուն տնենալ—иметь значение для глаза, например: նա իր դարտուն է մօլորել, ել աղօնի կոտր աչքը—он убит своим горем, никакая девушка не прильнет к его глазам; երես—лицо; երեսը պարզ անել—быть с открытым лицом; պարզերես անել մնկն օտարների տուա—выручить кого-нибудь перед чужими; ել գու իր երեսը պարզ կանոն խալի պատքին (только ты облагородишь мое лицо). Գլուխ-

գլխատակը բարձ դնել — подложить подушку под голову — (*փոխ*) *սուս խոսքերով խարել* — в переносном смысле: обмануть доброжелательными словами.

Мы находим и такие смысловые сопоставления как:

Ազիդ — родной, редкий, дорогой, торжественный день; **Ազիդ-մազիդ** — привыкший к сладкой жизни, миленький; **Ազը** — драгоценный камень, колесо телеги, источник ручья.

Многочисленны слова, приводимые в переносном смысле. Например, **Աքլորակիվ** — аклоракрив — бой петухов — употребляется в переносном смысле и в отношении людей, когда скора не серьезная (например: *Խչ եք աքլորակիվ տալիս*: «что вы деретесь, как петухи») Или: **Աղվես** — лиса — *Օգոստոսի աղվես ա կորե* — осенний юбшарх *է* — Стал августовской лисой — ужасно похудел.

Таким образом, словарь выступает и как источник поэтического слова.

В словарь вошло, в частности, 600 фраз, 60 загадок, 58 проклятий.

Словарь имеет и этнографическую ценность. Вагаршапатская речь богата бытовыми, земледельческими, садоводческими, религиозными, обрядовыми словами (например, чур, аклатиз, арсакур, хнамакар, анг. и др.). Составитель описывает бытование слов.

В словаре получила выражение фонетическая специфика граатского диалекта, в частности согласные: при (ворс—форс), *հոռ*—*փոռ*.

Интересно, что составитель включил и заимствования: адаш — *անվանակից* — тезка *միերիմ* — близкий; абршум — *մետաքս* — шелк *ազար* — *տարափոխիկ ցալ* — заразная болезнь (*կենդանիների մեջ ազար և ընկել* — среди животных заразная болезнь).

Таким образом, словарь дает также рекомендации по арменизации речи.

По подсчетам Ачаряна, в словаре поме-

щено 1130 турецких заимствований и их армянских эквивалентов. Здесь, вероятно, Навасардян следовал туристической тенденции мхитаристов.

Армянская общественность по достоинству оценила словарь. Так, Гарегин Енигбарян писал, что словарь имеет «большое значение» для изучающих ашхарабар и ценен тем, что «большинство слов получили удовлетворительное объяснение», «во многих местах представлены примеры и стили»⁴. «Это для нас нечто новое и достойное подражания», — подчеркивал Енигбарян. — До сих пор мы имели очень мало словарей с провинциальным диалектом»⁵.

После опубликования V тома «Армянских народных сказок», в котором дается аракатский диалект, анонимный автор статьи в «Нор-Дар» считает недостатком издания то, что Т. Навасардян в словаре отмечает только «растения», «деревья», «травы», и говорит о необходимости найти их соответствующие названия на латинском или русском языках. «Хотя это и трудная работа, — подчеркивает автор статьи, — однако ценность работы от этого значительно возросла бы»⁶.

Впрочем, из заметок, сделанных на черновике словаря, видно, что Т. Навасардян пытался при объяснении значения некоторых растений давать на латинском языке обще принятый научный термин. Например: аре вацагик — подсолнух — *Helianthus annus*; авелук — овощ — *rumex* — дикое растение; бами — растение — *Thebiscus esculentus*; гетнахн дзор — *Helianthus tuberosus*, и т. д.

Разумеется, словарь Навасардяна не лишен недостатков, которые неизбежны для первой работы подобного рода, однако прав один из современников, который писал: «Данный словарь далек от научной цели, поскольку Тигран Навасардян, будучи трудолюбивым собирателем, и на этот раз, как всегда, дает сырой материал». Как бы то ни было в диалектологическом отношении, однако ценность словаря Т. Навасардяна для фольклористов-народоведов несомненна и непреходяща.

7. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Т. НАВАСАРДЯНА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

Публикации Т. Навасардяна, хотя и не сразу, обратили на себя внимание читателей. В периодической печати появилось около 20 рецензий на его издания. Многие рецензенты пожелали остаться неизвестными. Однако именно эти анонимные отклики и высказывания известных литераторов или ученых в совокупности представляют немалый интерес

с точки зрения истории армянской фольклористики.

Обращает на себя внимание то, что большинство рецензентов отмечают прежде всего исключительную преданность Навасардяна предпринятыму делу, несмотря на его неблагоприятное материальное положение. Авторы статей, надо полагать, знали Нава-

сардяна и своими рецензиями старались помочь успеху столь ценного начинания. Об этом мы находим и прямые высказывания. Так, поэт Иоаннисан отмечал, что хотя Навасардяном уже собрано значительное количество материалов, за два года вышла в свет «какая-то жалкая тетрадь в 30-40 страниц» и прямо призывал состоятельных армян, в частности богача Мелика Айвазяна, оказать материальную поддержку наметившемуся изданию. В то время это был испытанный прием, дабы заручиться поддержкой мецената. Иоаннисан упрекает общественность и прессу: «Периодическая печать как всегда с благодарностью получила 2—3 экземпляра, разослав по сторонам и тем самым дело кончилось. Никто не обратил внимания и никто не обмолвился словом о злополучном издании»¹.

Выступление Иоаннисана, очевидно, оказало определенное влияние. Неизвестно, отклинулись ли «состоятельные люди» на призыв помочь Навасардяну, однако литераторы, по всей вероятности, постарались публично оценить работу неимущего собирателя и издателя. В своей рецензии Иоаннисан также отметил, что у других наций не только имеются многотомные сборники народной словесности, но что по ним ведутся и научные исследования. М. В. Бархударян сравнивает армянских издателей сказок Г. Срвандзянца и Т. Навасардяна с А. Афанасьевым и П. Рыбниковым, давая понять, что другие народы опередили армян и дело, начатое Навасардяном, не является «чудацеством» и должно пользоваться в просвещенном обществе всеобщим признанием.

О научном значении опубликованных Т. Навасардяном материалов писали и другие рецензенты. На страницах газеты «Нор-Дар» прямо говорится, что эти публикации «послужат весомым материалом для специалистов-филологов»². Эта идея нашла выражение еще в 1881 г., когда в журнале «Аарат» впервые было опубликовано несколько сказок, подготовленных Навасардяном. Редакция высказывала надежду, что эти тексты с удовольствием будут прочитаны сельскими читателями и послужат для ученых интересным материалом о прошлой жизни народа».

Таким образом, можно утверждать, что с самого начала Т. Навасардян встретил понимание общественности, которая увидела в его публикациях важнейший источник для будущих поколений филологов и исследователей народной словесности. Отметим, что совершенно иным было положение предшественника Навасардяна Г. Срвандзянца, явившегося зачинателем издания западноармянских сказок в Константинополе. Тому пришлось преодолеть пренебрежительное отношение к народной словесности, столь характер-

ное вообще для народов, обладающих богатой письменностью, в том числе и армян.

Обстановка на Кавказе в 80-х гг. XIX в. была по многим причинам благоприятнее для дела собирания и издания народной словесности, чем в Турции. Субъективная трудность для Т. Навасардяна заключалась в том, что собирательскую деятельность развернул не филолог, уже известный своими трудами, а в сущности любитель, автодидакт, человек без высшего образования, без признанного положения в обществе. Поддержкой Навасардяну служили, пожалуй, его личные достижения, и здесь многое зависело от отношения общества к нему. Раньше, быть может, усилия недоучившегося гимназиста, его скитания по селам и беседы с крестьянами, его серьезное отношение к народной словесности могли бы вызвать лишь насмешки. Однако в 80-х гг. молодой энтузиаст Навасардян, который, по образному выражению Раффи, «как дервиш, скитался из деревни в деревню и был вхож во все слои народа», вызывал у просвещенных людей восхищение и благодарность за то, что «давал книжку для чтения нашим детям»⁵.

Тиграна Навасардяна можно считать армянским последователем А. Афанасьева. Он воспринимался как серьезный литератор, сочинитель книг для чтения, в особенности детских. Во взглядах Навасардяна проявилось культурное влияние европейской, а также русской науки и общественной мысли, педагогики. Достаточно бегло взглянуть на положение народоведческой науки в соседних странах — Турции и Иране (где общественное признание народного творчества стало проявляться гораздо позже, к середине XX в.), чтобы понять и глубже осмыслить то благотворное воздействие, которое исходило из России.

* * *

То, что в общей оценке начинания Т. Навасардяна звучали патриотические нотки, видно из отклика в «Тифлисском листке»: «Будущий исследователь армянской народной литературы скажет спасибо Т. Навасардяну, спасшему от всепоглощающей силы времени массу памятников исчезающей, видоизменяющейся устной народной литературы. А в настоящем пусть пример Навасардяна послужит укором армянскому издательскому обществу, спящему на своих снотворных изданиях петербургской редакции».⁴ Таким образом давалось понять, что издающиеся в Москве и Петербурге армянские книги оторваны от действительных запросов армянской читающей публики в Тифлисе и в целом на Кавказе. Этот «укор» станет понятнее, если учесть, что записанное и издаваемое Нава-

сардяном было доступно и понятно самым широким, «необразованным» кругам читателей, тогда как издаваемые в российских столицах, как, впрочем, и во всех центрах армянской книжности, произведения еще печатались либо на грабаре, либо на новом литературном языке. Уже по этой причине они могли казаться «сноторвными», в отличие от изданий фольклора, дешевых книжек Навасардяна, выходивших на разговорном, народном языке, приобщавших простых людей к грамоте и чтению. Нетрудно представить, что означало для простого крестьянина увидеть в печати произведения, хорошо ему знакомые,—сказки, изречения, песни. Все это способствовало в конечном счете благородной цели повернуть народ «лицом к книге». Трудно переоценить демократизирующее, если не революционизирующее, значение такого нововведения. Возможно, что сам Навасардян и его рецензенты не давали себе отчета в этом. Но нам теперь, в совершенно других исторических условиях, ценность и значение подлинно народных книжек Навасардяна, понятнее. Общественное значение издания (и собирания) фольклора, особенно в специфических условиях существования армянского народа, еще предлежит исследованию. Это—задача историков. Во всяком случае, значение публикации народной словесности не исчерпывается чисто научным источниковедением и признанием ценности подобных материалов для истории филологии.

Научные соображения, высказанные современниками по случаю выхода в свет фольклорных публикаций Т. Навасардяна, представляют немалый интерес и с точки зрения истории фольклористики. Некоторые рецензенты обратили внимание Навасардяна на язык публикуемых текстов, на стиль в широком смысле слова. Анонимный рецензент хвалит Навасардяна за то, что он как собиратель остался верен языку народа, стилю и тем самым обогатил армянскую литературу⁵. Эта мысль очень важна. Дело в том, что предшественники Навасардяна, как литераторы и, по их разумению, всецело в интересах литературы, позволяли себе довольно свободно обрабатывать стиль и языки, приближая его к каноническим, литературным нормам. Что сохранение народного стиля и языка имеет литературную ценность—было своего рода открытием. Очень важно, что Навасардян нашел здесь поддержку. Любопытно, что знаменитый Афанасьев, начавший с бережного отношения к тексту и языку, был тоже демократическими рецензентами сбит с толку, и постепенно стал довольно свободно обрабатывать тексты.

Обозреватели стали признавать также заслуги Т. Навасардяна как лексикографа-диалектолога, призываю его, как издателя

сказок, сохранять местную специфику говора, на котором сказка была рассказана. М. Бархударян высказывает пожелание, чтобы Навасардян, издавая тексты на диалектах, снабжал отдельные, непонятные непосвященному читателю фразы пояснительными комментариями, «чем он еще более украсит на чатое им прекрасное дело»⁶. Все это способствовало вдумчивому отношению к публикации фольклора, что свидетельствовало о достаточном научном уровне рецензентов.

Однако наука того времени не располагала еще средствами точной фиксации фонетических особенностей, к тому же Навасардян не был лингвистом и не со всеми диалектами был знаком в одинаковой мере. Так, один из рецензентов обратил внимание на неточность передачи особенностей говора крымских армян⁷.

Безусловно, заслуживает внимания мнение М. Абегяна, который отмечал, что «ценность... сборников нужно видеть в их материале». Выдающийся арменовед в дальнейшем сам пользовался этим материалом, считая его достоверным. Однако при жизни Т. Навасардяна его материалы не были даже описаны и классифицированы. Поэтому их оценка современниками могла носить лишь приблизительный, гипотетический характер. Тем не менее стоит обратить внимание на указание рецензента VII тома сказок М. Абегяна: «Записанная Навасардяном сказка» «Ղարման բլութ» («Гарраман блут») является вариантом сказки «Ձուլվիսիա» из сборника «Համուլ Հոտով» («Амовотов») Г. Срвандзянца, а также является вариантом сказки «Ծովինար» («Цовинар»), опубликованной Камаляном. Эти сказки содержат в себе мифологические следы о божественности молнии, которая лучше проявляется в сказке «Ծովինար» («Цовинар»), а сказки «Ձուլվիսիա» («Зульвисия»), «Ղարման բլութ» («Гарраман блут») еще более проясняют и дополняют их⁸.

Здесь проявляется, наряду с поиском мифологических мотивов, понимание вариативности вообще и намечается для армянских сказок исследовательский путь, ведущий к сравнению вариантов с целью выяснения истории сюжета.

Т. Навасардян становится в восточноармянской действительности крупным деятелем, таким же, как Г. Срвандзян среди западных армян. И совершенно прав был Макар варданец Бархударян, когда писал: «Вероятно, в ближайшем будущем Срвандзян и Навасардян, Навасардян и Срвандзян всегда будут упоминаться безраздельно друг от друга, упоминаться потому, что оба эти прилежных и верных труженика, понимая большое значение народных песен, традиций

и сказок, преодолевая всякие трудности и преграды, достигнут своей цели»⁹.

* * *

Рассмотрев высказывания современников в периодических изданиях в связи с выходом в свет публикаций Т. Навасардяна, мы пришли к выводу, что начинание его, встретив понимание, способствовало развертыванию деятельности собирателей и издателей. Следует полагать, что это было обусловлено не личностью Навасардяна (хотя и это имело немалое значение) и не личной благожелательностью рецензентов,—сказались зрелость общественной мысли армянского просвященного общества на Кавказе и широко признанные успехи фольклорных изданий у других народов, в частности в Германии (например, сборник братьев Гримм) и в России.

Нельзя упустить из виду, что еще в середине XIX в. на русском языке публиковались фольклорные материалы, преимущественно сказки народов Кавказа. Это дало сильный толчок развертыванию собирательства среди грузинской интеллигенции, а также у малых народов края. Естественно, та-

кая обстановка не могла не стимулировать дело собирания фольклора, в частности сказок, также у армян. Подобное движение было обусловлено исторически. В личности Т. Навасардяна назревшая потребность нашла активного, преланного реализатора. Уже здесь, как мы убедились, даже недостатки Навасардяна—отсутствие специального образования, эмпиризм и некоторая хаотичность подачи материала—оказались, в конечном счете, достоинствами, ибо благодаря этому записи и публикации сохранили достоверность, являющуюся первейшим мерилом качества фольклорных материалов. Эти материалы благодаря преданности Навасардяна своему делу сохранили для нас весьма ценную картину бытования народной словесности, характерную для широкого ареала в переломный период. Только теперь коллекция Т. Навасардяна, по мнению И. Г. Левина, может быть осмыслена и оценена по достоинству, как исторический источник уже ушедшего в прошлое «современности», народной жизни второй половины XIX в., периода, менее всего интересовавшего романтических собирателей, думавших более об отдаленных временах.

8. НАСЛЕДИЕ

После смерти Тиграна Навасардяна в 1927 г. были приложены большие усилия, чтобы собрать его рукописи и биографические материалы о нем для передачи в архив. Известный этнограф Е. Лалаян пишет письмо Баграту Навасардяну с просьбой заняться наследием его племянника:

«Թայնկաղին բարեկամ, Մեծարդու բժշկացին Գալիս եմ բաժանելու ազգագրության ուժվիրան-ներից մեկի՝ Տիգրան Նալբասրդյանի մահվամբ Զեր զգացած վիշտը: Գիտեմ, որ Զեր ներշնչմամբ Հանգույցյան ընտրել է հայ բանահյուսությանը և փրկվելու ուժին և այդ ապարագում հավերժացրեց նա իրեն: Ուրախ կլինեի, որ նրա լուսանկարը և կենսագրության նյութերը ուղարկեր ինձ՝ թանգարանին աղքագրության բանում պահելու, որպես մի օր՝ ազգագրության պատմության գրույր կարողանար լիովին օգտվել»¹⁰: («Дорогой друг, многоуважаемый доктор! Разделяю с Вами скорбь по поводу кончины одного из пионеров этнографии—Тиграна Навасардяна. Знаю, что благодаря Вашему вдохновению он выбрал путь собирания армянского фольклора и увековечил себя в этой области. Был бы рад, если бы Вы прислали мне его фотографии и биографические материалы для хранения в Отделе этнографии Музея, что-

бы тот, кто однажды напишет историю этнографии, смог бы полноценно воспользоваться этим»).

Б. Навасардян приводит в порядок рукописи Тиграна и отдает также этюды «Мои воспоминания», «Мои тюрьмы»,—результат первых, наивных проб пера своего восторженного племянника. Архив Тиграна Навасардяна, преимущественно фольклорный, сохранил и передал Отделу фольклора ИАЭ Армянской ССР Е. Тер-Минасян.

Рукописное наследие Т. Навасардяна, об разуя персональный фонд (FBI), вошло в состав фольклорного хранилища и подверглось подробному аналитическому документированию по единой системе. Учет этого архива и его каталогизация проводились при помощи ЭВМ. Материалы будут публиковаться в Своде армянского фольклора на общих началах. О степени сохранности документов дает представление нижеследующая таблица:

Как видно из табл. 10, значительная часть рукописей (вследствие качества бумаги, карандашей и т. п.) находится в состоянии, требующем скорейшего использования.

В течение полувека материалы, собранные и даже изданные Т. Навасардяном, нашли применение в различных исследованиях, антологиях.

Таблица 10

Состояние документа	К-во
K.1.3.0 (печатное)	659
K.1.1.0 (разлагается)	614
K.1.1.02 (трудно дешифруется)	64
K.1.1.03 (подозрение на дублет)	189
K.1.1.04 (фрагмент)	48
K.1.1.05 (разлагается и трудно дешифруется)	156
K.1.1.07 (фрагмент разлагается)	32
K.1.1.06 (трудно дешифруется и подозрение на дублет)	2
Всего:	1764

Крупнейшей антологией является 20-томное издание «Армянские народные сказки», осуществленное на армянском языке видным фольклористом Арташесом Назиняном. Серия была начата в 1959 г. под редакцией акад. И. Орбели. Антология содержит значительное число опубликованных и рукописных записей из архива и книг Тиграна Навасардяна. Так, во II томе, вышедшем в свет в 1962 г., напечатано 50 сказок, из коих 40 взято из разных выпусков Навасардяна, а 10—из его рукописных фондов. Третий том (1963) содержит 64 сказки также из фонда Навасардяна. VI том (1973) включает 72 сказки, а VIII—8 сказок из книг Навасардяна. Всего увидели свет в упомянутом академ-

ическом издании 194 сказки из наследия Т. Навасардяна.

Таким образом, часть материалов собирателя ныне стала доступна самому широкому кругу читателей.

Кроме указанной антологии, материалы Навасардяна вошли и в ряд других изданий. Так, в своем сборнике «Армянские народные загадки» С. Арутюнян воспроизвел рукописные или опубликованные материалы Навасардяна. В книге «Жанр проклятий и пожеланий в армянском фольклоре» он вновь использовал в качестве источников записи и публикации известного собирателя.

Видное место в сборниках сказок, предданий и пословиц, изданных акад. А. Ганаланяном (на армянском и русском языках), наряду с некоторыми материалами рукописного наследия Т. Навасардяна, занимают и перепечатки из его народных книжек.

Р. Григорян в сборнике «Армянские народные колыбельные и детские песни» также использовал материалы из фонда Навасардяна.

Современные антологии обычно переводятся с оригинала (или с русского перевода) на иностранные языки. Таким образом, наследие Т. Навасардяна становится достоянием мировой фольклористики, в частности сказковедения, и находит новых читателей и ценителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

К разделу 1

- ¹ МЛИ АрмССР, фонд Б., Навасардяна, 10—3.
- ² ЦГИА ГрузССР, № 153, оп. 42.
- ³ ИАЭ FB1:2645.
- ⁴ Մարտակու, Թիֆլիս, 1927, № 85.
- ⁵ МЛИ АрмССР, фонд Т. Навасардяна, № 24.
- ⁶ Там же, № 249.
- ⁷ Մարտակու, Թիֆլիս, 1927, № 85.
- ⁸ Ա. Հովհաննիսիան, Սիբագել Նալբանդյանը և նրա ժամանակը, գիրք 2, Երևան, 1956, էջ 533:
- ⁹ ИАЭ FB1:2978.
- ¹⁰ Там же, FB1:2611.
- ¹¹ Там же, FB1:2645.
- ¹² Там же, FB1:1751.
- ¹³ Մարտակու, Թիֆլիս, 1927, № 85:

К разделу 2

- ¹ Грузинское народное поэтическое творчество. Тбилиси, 1972, е. 57.
- ² Там же, с. 69.
- ³ Անդրէ Հայաստանի, Թիֆլիս, 1859, № 52, էջ 413—414:
- ⁴ Ս. Հաղորդունյան, Հայաստության զարգացմանը, 1870—1917 (ձեռագիր):
- ⁵ Գ. Մշակույթի պատմության մասին, Գրոց-Բոց, Կ. Պոլիս, 1874, էջ 1:
- ⁶ МЛИ, фонд Т. Навасардяна, № 249.
- ⁷ ИАЭ, FB1:3050.
- ⁸ Տափփի, Խալայի մելիքությունները, Երևան, 1959, էջ 376:
- ⁹ Ս. Արենյան, Երկեր, Բ, Երևան, 1967, էջ 289:
- ¹⁰ ИАЭ, FB1:1827.
- ¹¹ Там же, FB1:3927.
- ¹² Там же, FB1:2459.
- ¹³ Там же FB1:3011.

К разделу 3

- ¹ Գ. Տեր-Ալեքսանդրյան, Թիֆլիսցոց մտավոր կանքը, Թիֆլիս, 1885, էջ 427:
- ² Գ. Ճակոբյան, Բասենի ազգագրությանը և բանահյուսությանը, Երևան, 1974, էջ 375:
- ³ ИАЭ, FB1:3011.
- ⁴ Там же.

К разделу 4

- ¹ Գ. Մշակույթի, Գրոց-Բոց, 1874, էջ 119:
- ² Եղիշ-Դար, Թիֆլիս, 1890 № 143:
- ³ ИАЭ, FB1:3050.

К разделу 5

- ¹ ИАЭ, FB1:3852
- ² Там же, FB1:1399.
- ³ Там же, FB1:3855.
- ⁴ Там же, FB1:3771.
- ⁵ Там же, FB1:3807.
- ⁶ Там же, FB1:3831.

- 7 Там же, F B1:4021.
 8 Там же, F B1:4199.
 9 Там же, F B1:4179.
 10 Там же, F B1:4185.
 11 Там же, F B1:4368.
 12 Там же, F B1:4450.
 13 Там же, F B1:4408.
 14 Г. Արքայան, Երկիր, 1-ին, Երևան, 1966, էջ 56.
 15 ИАЭ. FBI :4410
 16 Там же, B1:4420.
 17 Там же, F B1:4486.
 18 «Ազգագրական հանդես», պիրք Ա, Շուշը, 1896, էջ 6.

К разделу 6

- 1 Բագրի, Գրականության մասին, 1958, Երևան, էջ 59;
 2 Գ. Գագարյան, Հայ բանահյուսության պատմություն, Երևան, 1968, էջ 314:
 3 МЛИ АрмССР. фонд Гр. Халатяна, 5, № 143.
 4 Լուժա, 1907, էջ 99;
 5 Նոր-Դար, Թիֆլիս, 1889, № 25;
 6 Նույն տեղում:

К разделу 7

- 1 Նոր-Դար, Թիֆլիս, 1884, № 70;
 2 Նույն տեղում, 1893, № 221;
 3 Բագրի, Ղարաբաղի լելիքները, Թիֆլիս, 1882, էջ 418;
 4 Տիֆլիսский листок, 1891. № 26;
 5 Նոր-Դար, Թիֆլիս, 1888, № 192;
 6 Նույն տեղում, 1885, № 51;
 7 Արձագանք, Թիֆլիս, 1884, № 24;
 8 Նոր-Դար, Թիֆլիս, 1891, № 137;
 9 Նույն տեղում, 1885, № 51:

К разделу 8

- ¹ МЛИ АрмССР, II—76—78.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. Соч., 2-е изд., т. 2, с. 562—568.
 Абегян М. Труды, т. I.—Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1966, с. 570 (на арм. яз.).
 Абегян М. Труды, т. II.— Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967 (на арм. яз.).
 Абегян М. Труды, т. III.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968 (на арм. яз.).
 Абегян М. Труды, т. IV.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970 (на арм. яз.).
 Азадовский М. История русской фольклористики, т. II.—М.; Учпедгиз, 1963.
 Акопян Г. Этнография и фольклор Нижнего Басена.—Ереван: Айастан, 1974 (на арм. яз.).
 Аматуни С. Словарь областной лексики.—Вагаршапат: Тип. св. Эчмиадзина, 1912 (на арм. яз.).
 Ачарян Р. Областной словарь армянского языка.—«Эминский этнографический сборник», Вагаршапат, 1913. (на арм. яз.).
 Армянские народные сказки, т. I.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1959 (на арм. яз.).
 Армянские народные сказки, т. II.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1959 (на арм. яз.).
 Армянские народные сказки, т. III.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1962 (на арм. яз.).
 Армянские народные сказки, т. V.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973 (на арм. яз.).
 Армянские народные сказки, т. VIII.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977 (на арм. яз.).
 Арутюнян С. Армянские народные загадки.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1966 (на арм. яз.).
 Арутюнян С. Манук Абегян.—Ереван; Изд-во АН АрмССР, 1970 (на арм. яз.).
 Арутюнян С. Жанр проклятий и пожеланий в армянском фольклоре.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975 (на арм. яз.).

- Ганаланян А. Армянские пословицы.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1960 (на арм. яз.).
- Гаспарян Г. История армянской лексикографии.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968 (на арм. яз.).
- Григорян Г. Нерсисянская школа.—Ереван: Айастан, Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970 (на арм. яз.).
- Григорян Р. Армянские народные колыбельные и детские песни.—Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970 (на арм. яз.).
- Грузинское народное поэтическое творчество.—Тбилиси: Мерани, 1972
- Гулакян С. Указатель мотивов армянских волшебных сказок, 1983, Ереван, Изд-во ЕГУ.
- Иоаннисян А. Налбандян и его время, т. II.—Ереван: Айпетрат, 1956 (на арм. яз.).
- Левонян Г. Армянская книга и искусство книгопечатания.—Ереван: Айпетрат, 1958 (на арм. яз.).
- Миансарян М. Лира Армении.—СПб.: Тип. Бакста, 1868 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. I.—Вагаршапат: Тип. католикоса Геворка IV, 1882 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. II.—Ереван: Тип. Э. Тэр-Григоряна, 1882 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. I.—Ереван: Тип. Э. Тэр-Григоряна, 1883 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. III.—Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1884 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. IV.—Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1888 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. V.—Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1889 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. VI.—Тифлис: Тип. М. Ротинянца, 1890 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. VII, Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1891 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, кн. VIII.—Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1894 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, т. IX.—Тифлис: Тип. К. Мартиросянца, 1902 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Армянские народные сказки, т. X.—Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1903 (на арм. яз.).
- Навасардян Т. Словарь ааратского диалекта.—Тифлис: Тип. М. Варданяна, 1903 (на арм. яз.).
- Паласян С. История армянской литературы, т. I.—Тифлис: Тип. Нерсисянской школы, 1865 (на арм. яз.).
- Свазян В., Айкини С. Армянская этнография и фольклор Ер., I. IV, Изд-во: АН Армянской ССР, 1967. (на арм. яз.).

Статьи о Т. Навасардяне

- Абегян М. Ударение в диалектах восточных армян.—Нор-Дар (Тифлис), 1890, № 143.
- Абегян М. Армянские народные сказки.—Нор-Дар, 1891, № 137.
- Армянские народные сказки.—Аарат (Вагаршапат), 1881, № 11.
- Армянские народные сказки.—Мшак (Тифлис), 1888, № 7.
- Армянские народные сказки.—Нор-Дар, 1888, № 193.
- Армянские народные сказки Т. Навасардяна, кн. V.—Нор-Дар, 1889, № 25.
- Армянские народные сказки. Нор-Дар, 1893, № 221.
- Армянские народные сказки Т. Навасардяна, кн. VIII.—Тараз (Тифлис), 1894, № 10.
- Ачарян Р. Словарь ааратского диалекта.—Андес амкореа (Вена), 1903, № 17. с. 382—383.
- Бархударянц М. Т. Навасардян. Армянские народные сказки.—Ардзаганк (Тифлис), 1884, № 21.
- Бархударянц М. Амов-отов.—Нор-Дар, 1885, № 51.
- Енгибарян Г. Словарь ааратского диалекта, Лума (Тифлис), 1907, с. 99—100.
- Иоаннисян И. Внутреннее обозрение.—Мшак, 1882, № 238.
- Иоаннисян И. Несколько слов о записи армянских фольклорных материалов.—Нор-Дар, 1884, № 70.

Словарь ааратского диалекта.—Базмавен (Вена), 1903, № 11, с. 501.
Словарь ааратского диалекта.—Нор-Дар, 1903, № 199.

СОКРАЩЕНИЯ

- ИАЭ FBI—Фольклорный архив Института археологии и этнографии АН АрмССР,
фонд Т. Навасардяна.
МЛИ АрмССР—Архив музея Института литературы и искусства им. Чаренца Ар-
мянской ССР.
ЦГИА АрмССР—Центральный государственный исторический архив Армянской ССР.
ЦГИА ГССР—Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
АСЛ—Армянская система И. Левина.